Священная война

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЦДУ РАН

УДК 821.161.1 ББК 84(2Рос-Рус)6-5 С-24

С-24 Священная война / Сборник произведений поэтов и прозаиков Литературного объединения Центрального Дома учёных Российской академии наук. — М.: «Вест-Консалтинг», 2021. — 98 с.

ISBN 978-5-91865-629-7

Сборник «Священная война» посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник включает стихотворения, рассказы, эссе участников Литературного объединения Центрального Дома учёных Российской академии наук (ЛИТО ЦДУ РАН «ЛИТО на Пречистенке», руководитель ЛИТО — канд. филол. наук Колодяжная Л.И.).

УДК 821.161.1 ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Авторы, 2021 © «Вест-Консалтинг», оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Л.И. Колодяжной
Лариса Адлина <i>Проза</i> : Век Ивана и Антонины; <i>Стихи</i> : Сонет о старом снимке; Свет надежд
Александр Большаков
Стихи: Погиб мальчишка на заставе; Фронтовикам; Звенигородские высоты
Галина Гашунина
Проза: Когда надежда умирает первой
Вадим Гиршгорн
<i>Проза</i> : Вера; Быть собой; Солдат
Инга Гланцева Стихи: Цикл Священная война: «Нас убивали. Жизнь круша»; «На нашу долю выпала война»; «Эта дата, простите, не "каждая"»; «Как много разных нас и разных стран»; «Тот лейтенант Д., что у Гранина»; «Вспоминать так больно о блокаде»; «Я Блокадную Книгу читаю»
Лорина Ермилова
<i>Стихи:</i> «Родные леса Ярославской земли…»; <i>Проза:</i> Встреча 36
Ирина Ильина <i>Проза:</i> Тыловые письма

Галина Колобова
<i>Стихи</i> : Цикл К 75-летию Победы: Я — русская; Военное фото;
Я вернусь
Людмила Колодяжная
Стихи: Цикл Русские святые воины: Из Слова о полку Игореве;
Святые князья Борис и Глеб; Пред иконой святого Александра
Невского (в схиме)
Маргарита Новикова
Стихи: Цикл К 75-летию Победы посвящение Булату Окуджаве:
Был месяц май; Весна на Арбате
Борис Ольхов
Стихи: Садовое кольцо. Лето 44-го; Фильм по роману Василия
Гроссмана «Жизнь и судьба»
Вера Павлова
Проза: Божественное провидение; Спасибо, осталась жива 6
Людмила Плиско
Стихи: О войне
Нина Познякова
Стихи: Зелёная трава; Русская женщина;
Проза: Посылка на фронт
Галина Поляк
Стихи: Священная война
Василий Поляков
Проза: Кусок хлеба пленному немцу
Людмила Саницкая
Стихи: 22 июня
Мария Скавронская
Стихи: Хлеб наш насушный

Татьяна Скорикова
Стихи: Бессмертный полк; Берёзовая рощица;
У изголовья тишина
Маргарита Соснова
Стихи: Цикл К 75-летию Победы: 9 Мая; «Друзья нам — армия и флот!»; «Ушли герои, головы сложив»; «Родители боролись, выживали»; «Мы и не думали, что будем защищать»;
«Не война, небо мирное — счастье»
Людмила Стасенко
Стихи: Памятник
Елена Ткачевская
Стихи: «Как человеку страшно на войне»; «Мало дед говорил
о войне»; «Нынче время уклоняться от объятий»;
«Прежде слова была тишина»94

- 4

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ ЛИТО 2021 ГОДА «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Сборник ЛИТО ЦДУ РАН, посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, мы назвали «Священная война». Так же называется великая песня, написанная во второй день войны: стихи В.И.Лебедева-Кумача, музыка А.В. Александрова. Песня стала народным гимном, призывом к победе.

История нашей Родины знает много славных побед в сражениях, важных для становления и укрепления государства. Победы эти нашли отражение и в литературном творчестве. В годы Великой Отечественной войны стали вспоминать великих русских полководцев.

Уже в 1942 году был учрежден орден великого полководца, святого князя Александра Невского. Александр Невский одержал великую победу над шведами, которые планировали захватить устье Невы. Битва произошла в 1240 году. Перед битвой по преданию было видение святых Бориса и Глеба, считавшимися покровителями русского войска. Хотя святые Борис и Глеб не были воинами, они были первыми святыми-страстотерпцами.

Такое же видение святых было дано и великому полководцу, святому Дмитрию Донскому перед битвой на Куликовом Поле, где под его предводительством была одержана победа над войском хана Мамая в 1380 году. Известно, что в войске Дмитрия Донского сражались двое святых монахов — Пересвет и Ослябя, которых благословил сам святой Сергий Радонежский. Память об этих монахах жива до сих пор. Их святые мощи покоятся в храме Рождества Богородицы в Москве.

В начале XX века Александр Блок написал стихотворный цикл «На Поле Куликовом», который открывается стихотворением:

* * *

Река раскинулась. Течет, грустит лениво

И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва

В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли

Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли

Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,

В твоей тоске, о Русь!

И даже мглы — ночной и зарубежной —

Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами

Степную даль.

В степном дыму блеснет святое знамя

И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица

Несется вскачь!

В завершении этого «Предисловия» я приведу свое стихотворение, посвященное русским святым:

* * *

Читаю я на рассвете рассказы в Минее Четьи, свитки — о святых.

Мы перед ними — дети, разум наш празден, тих.

Книга — благая вестница, страницы, месяц за месяцем, перелистает рука.

Райской тропою светится о жизни святого — строка.

Посвящены кому-то каждый наш день, минута, за ними — торопится шаг.

Не обретя приюта, тянется к ним душа.

Нет, не увидеть воочью, только строка кровоточит — жизни великой след,

длиннее, или короче, венцом — бессмертия свет.

Мученики вчерашние, на алтарях домашних отроки, жены, князья.

Путь повторить их — страшно, не повторить — нельзя...

Руководитель ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, кандидат филологических наук, поэт Л.И. Колодяжная

Лариса Адлина

Адлина Лариса Леонидовна — поэт, прозаик, художник, учёный (кандидат технических наук), активный член ЛИТО Центрального Дома Учёных РАН и постоянный участник авторских творческих вечеров, член СП России и Союза профессиональных литераторов (Московское отделение, секция прозы), участник клуба «Московитянка» при ЦДЛ, литературной студии «Луч» при

МГУ, клуба «Московский Парнас». Стихи и малую прозу начала писать в школьные годы, была редактором школьного литературного журнала «Первые шаги». Работала в Москве и в Заполярье, в ПечорНИИпроекте, научным сотрудником кафедры Физики моря Физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Рассказы, стихи и поэтические миниатюры опубликованы в книгах «Ожидание радуги», «Детское прикосновение», в Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых» (т. 6), литературных альманахах ЛИТО ЦДУ РАН. Имеет литературные награды.

Век Ивана и Антонины

Бабушка часто гуляла с двумя внучками во дворе дома. И обычно крепко держала маленьких девочек за руки. Её день рождения почти совпадал с рождением века. Она была среднего роста, скромной, с размеренными движениями, моложавой на вид. Бабушку звали Антонина Николаевна. Но дети её полного имени не знали, а называли кратко бабушкой. Иногда называли бабушкой Тоней или могли вспомнить, что её зовут Антониной. И, конечно, не знали что такое война.

Много чего из жизни своей бабушки дети не знали. Например, что был у неё муж крепкий, высокий, с длинными, закрученными вверх усами. И служил он в коннице. С армией Будённого защищал Перекоп, хорошо укреплённый перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком. Именно с тех пор усы носил по-будённовски.

Звали его Иваном Ильичом. Не знали они, что возвратился он с войны с небольшим ранением. Работал на фабрике мастеровым по производству канатов для морского флота. И был пожарным; с гордостью надевал каску, отливающую золотым блеском, и ходил по кругу на пожарной вышке, зорко смотрел на деревянные постройки города. Часто приходилось дежурить на пожарной каланче и выезжать на тушение пожаров.

Не знали, что в молодые годы жила их бабушка в Орловской губернии в городе Карачеве. Когда была совсем юной, она пела в церкви по праздникам, голос был звонкий, высокий. Стала постарше — шила людям на заказ. Сама фасоны неброские придумывала и составляла выкройки. Было у них с Иваном трое детей.

Однажды, когда Иван дежурил на каланче, возвращалась Антонина с рынка по обочине улицы вдоль деревянных домов и услышала голоса своих сыновей, а нигде ребят не видно было. Подошла к большому двухэтажному дому своей сестры. Муж сестры получил этот дом в наследство. И они разрешили Антонине с семьёй жить во флигеле во дворе. Домик флигеля был небольшой. В нём всего одна комната с лёгкими перегородочками и печкой посередине. Да и то хорошо, когда свой угол есть.

Остановилась Антонина около ворот дома, опять услышала голоса и смех. Посмотрела вверх. На улице росли высокие деревья, каштаны. На одном из них сидели её Гурка и Алька. Одному восемь, другому шесть лет. Весело о чём-то разговаривали и босыми ножками помахивали. А рядом на ветках их валенки сушились. День был весенний, солнечный, сырой, но ещё холодный. Ребята ноги промочили и, чтобы мать не ругалась, решили валенки на солнышке посушить. Залезли повыше. Довольные своим решением, сидели на дереве как серые воробушки в лёгких пальтишках. Ну, тут-то им досталось...

Старшая дочь Людмила хлопот не доставляла, училась прилежно, матери помогала. Любила вышивать цветы по своим рисункам. Вечерами Мила часто сидела за пяльцами. Родители отгородили ей угол и сделали маленькую комнатку с окошком. Затем и братьям — такую же, но тёмную, без окна. В общей части флигеля в простенке между окнами стояло узкое вертикальное зеркало, а главное место в центре занимал квадратный стол, за которым собиралась вся семья. Много праздников прошло здесь. Наступил день, когда Мила закончила школу. Все собрались, чтобы проводить её на выпускной вечер.

Антонина была счастлива, поздравляла дочку. Затем за столом спокойно шила, ждала её.

А на следующий день — война...

Сын Гурий был на три года младше сестры и теперь стал высоким, стройным, со светло-голубыми глазами. Он выглядел старше своего возраста и не был похож на школьника. Глаза настолько светлые, что часто голубая радужка была совсем не заметна. И, казалось, во взгляде видны только тёмные зрачки. И позже, на фотографии перед отъездом на фронт, глаза получились задумчивые, немного завораживающие, с одними тёмными зрачками.

А младший сын был на два года моложе брата, и звали его Александр, а дома кратко — Алька. В самом начале войны эвакуировали их из Карачева вместе с фабрикой в Мордовию, в город Саранск. Антонина и дети шли пешком по направлению к Туле. Шли с котомочками за плечами, почти не отдыхали. Только выйдут из деревни, обернутся, а она уже горит: там враг. Иногда ехали на подводах, а иногда с военными из отступающей армии в грузовиках, недалеко — до определённого пункта. Целый месяц долгого, тяжёлого пути.

В Саранске у хороших людей нашлась для них комнатка. Железнодорожные составы с заводским оборудованием уже прибыли. И вагоны фабрики со станками и пожарными. Дети пошли работать. Братья — вначале на фабрику, а Мила — на военный завод. Ботинки были только у Милы. А ребята босые зимой стояли на каменном полу, на ящиках. Семнадцатилетняя Мила с десятилеткой за плечами была направлена на ответственную должность браковщицей-контролёром боеголовок для миномётов. Фронту нужно было много снарядов. Через руки бывшей школьницы за смену проходили тысячи боеголовок для мин. Мины — изделия капризные, опасные. Работали по двенадцать часов, но когда поступал приказ — фронту необходимы боеприпасы — оставались на сутки. Мила однажды уснула со снарядом в руках. Вовремя мастер заметила. В свободное время они дежурили в госпитале, ухаживали за ранеными. И молодость «брала своё» приходили на танцплощадку, когда не очень сильно уставали, немного посидеть, музыку послушать.

Первым ушёл на фронт муж Иван Ильич. Ушёл в начале войны добровольцем. Его — опытного мастера, да и по возрасту, — оставляли на заводе. А он, бывший Будёновец, пошёл воевать в частях моторизованной пехоты... Менее чем через год ушёл на фронт Гурий. Увеличить свой возраст ему было легко, выглядел старше своих лет.

А ещё через год приехала приёмная комиссия набирать студентов в Московский Горный институт. Стране нужны были специалисты для работы в шахтах. И тогда мама сказала Миле: «Поезжай дочка, учись, война когда-нибудь кончится, будешь работать инженером». Милу приняли. В аттестате у неё были только отличные отметки. Уехала она учиться в Свердловск. Туда был эвакуирован институт из Москвы.

Остался дома только младший сын — матери помощник и опора. Подрос, стал таким же видным и стройным, как отец и брат. Как-то принёс он маме маленькую брошку — зайчик на лыжах. Мама подарку улыбнулась, ведь война вокруг — и вдруг брошка. И многие годы потом висел этот зайчик у неё на швейной машинке перед глазами. Подарок сына — на маленькой подушечке для иголок.

От Гурия с фронта писем было мало. Он попал на Карельский фронт. В июле сорок четвёртого года был награждён медалью «За отвагу». А в августе того же года — орденом «Отечественная война ІІ степени». Орден получить он не смог. Красноармеец Лелякин Гурий Иванович погиб в бою с финскими захватчиками под ст. Леймола КФССР 28 июля 1944 года. Было ему восемнадцать лет.

Война заканчивалась, а от Ивана Ильича сведений никаких не было. Совсем никаких.

В конце войны Альку призвали в армию, а в ноябре сорок шестого года Александр окончил полковую школу сержантского состава и был направлен на Украину, где шли бои с бандеровцами. Служил недолго. После победы, после окончания войны, в сорок седьмом году он погиб в бою. Снайпер-рядовой Лелякин Александр Иванович при выполнении боевой задачи (в бою против банд «УПА»), верный присяге, проявив геройство и мужество, погиб 2 ноября 1947 года в Степаньском районе Ровенской области в возрасте 20 лет.

В сорок пятом году он был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Свою фотографию с этой медалью Александр прислал матери. И вот менее чем через год она получила весть о его гибели! После окончания войны, после празднования Победы, когда все возвращались с фронта, в сорок седьмом году...

Как же так?.. Получила извещение о гибели младшего сына...

Горевала мать. Одна в пустом доме. Да и дома у неё не было, лишь комната у чужих людей. Швейная машинка, которая всё время в работе и маленький зайчик перед глазами... Две похоронки Антонина

получила на сыновей. И в последнюю очередь получила известие, что в ноябре 1942 года муж её — красноармеец Лелякин Иван Ильич, находясь на фронте, пропал без вести. «Пропал — это не значит погиб» — считала Антонина. Искала! Но никто с фронта не вернулся. Несколько лет жила одна.

До сих пор судьба Ивана Ильича не известна.

А дочь закончила учиться в сорок девятом году, получила диплом горного инженера, вышла замуж. И поехала с мужем по распределению Московского института на Урал, в городок Губаху Пермской области, в маленький посёлок без названия, около шахты имени Калинина. Оба стали работать в шахте. Должность Людмилы Ивановны была помощник начальника по вентиляции. Только Мила тогда уже ждала ребёнка, и её направили на лёгкий труд — ходить по горным выработкам и замерять количество метана в воздухе.

Последние месяцы Мила брала в шахту палку и ходила с ней по подземным выработкам, чтобы не бояться, да и опереться, если устанет. А путь в темноте под землёй длинный. Дышать трудно. Свет шахтёрской лампы тусклый и при каждом шаге прыгает по крепи и под ногами. Почва — то обводнённая, то сыпучая. Чёрная тьма то сгущается, то отступает.

В июне родилась девочка Лариса, маленькая шахтёрочка, уралочка. Светлые волосы, светлые глаза. Сообщили Антонине Николаевне радостную новость, и та в скором времени приехала к внучке. Её дочь смогла выйти на работу, а затем и вовсе по комсомольской путёвке Мила с мужем уехала восстанавливать разрушенные рудники, а бабушка была рада, что девочку оставили ей. Через полтора-два года они вернулись, родилась вторая внучка, глаза ещё светлее, чем у сестрёнки. Назвали Светланой...

Всю жизнь Антонина надеялась, что её Иван Ильич найдётся...

По дорожкам скверика идёт бабушка с двумя внучками. Держит их крепко-крепко за руки. На две маленькие пушистые головки посматривает. И на одинаковые сарафанчики в горошек, которые сама сшила. Самая обыкновенная бабушка: невысокая, седая, не очень полная, красивая. Ей и шестидесяти лет ещё не было. Одна внучка, пяти лет, идёт с левой стороны, а другая, которая помладше — с правой стороны. И ничего внучки не знают, совсем ничего, о жизни своей бабушки.

2006 — Май 2020

Сонет о старом снимке

Гурию и Александру

Взвёл солдат затвор винтовки... В годы смуты мировой, Вспышка силы огневой,— Залп войны свистящий, тонкий...

Пусть тот звук не очень громкий, Вздрогнул серп луны немой. Кто-то не пришёл домой, На чужой пропал сторонке.

И летели похоронки... Старый снимок — жёлтый ломкий, Смелый и серьёзный взгляд,

Мирно в мир глаза глядят... Молодым он был, потомки, Много, много лет назад.

2017-2020

Свет надежд...

Антонине— милой моей, любимой, родной, дорогой...

Пела в церкви, в юности Голос звонкий был. Строгости, послушности Звук под своды плыл.

Берегла любовь свою, И семья была... Но убит Иван в бою — Всех война взяла.

Гурий, старший сын, пропал В восемнадцать лет. Алька, младший, воевал... Их на свете нет.

Боль потери долго жжёт, Слёз слепила соль. А она их с фронта ждёт. Не сломила боль.

В каждом доме свет надежд Заглушает стон, Даже в черноте одежд Ярко светит он...

Век вознёс молитвы сны, Скорбь эпохи той. Где вы:

Бог отец,

Бог сын,

Жизни

Дух святой?!

2010

Александр Большаков

Большаков Александр Евгеньевич — дипломант конкурса чтецов Фестиваля искусств работников образования ВАО города Москвы «Майские звёзды», окончил экономические факультеты Московского экономико-статистического и Всесоюзного сельскохозяйственного институтов, философский факультет Университета марксизма-ленинизма, полковник в отставке, ветеран боевых действий, 77 лет, прадед.

Погиб мальчишка на заставе

Погиб мальчишка на заставе В тот предрассветный горький час, Когда фашист напал на нас И одинокой мать оставил.

Красноармеец-первогодок — Сын Красной гвардии бойца. Был город с детства парню дорог, Родной для деда и отца.

Он здесь на западной заставе Москву родную защищал, Любовь и сердце здесь оставил, За власть народа жизнь отдал.

20.02.2018

16

Фронтовикам

Фронтовики, наденьте ордена! Отвагой Вашей спасена страна. Награды Родина заслужено вручила, Отечество любить она Вас научила.

Вы жизнь свою не пожалели. Над Вами алые знамёна пламенели. Россия с ними от фашизма спасена. Фронтовики, наденьте ордена!

Февраль 2015 года

Звенигородские высоты

Стоял мороз трескучий, жгучий, Металл нам руки обжигал И лес стонал вокруг могучий, Но не мороз его взрывал:

Валились сосны вековые, Дубы ломались пополам, Свечами ели молодые Горели под огнём врага.

Был бой жестокий и упорный. Снопы разрывов раскидав, Утюжил землю двухмоторный Стервятник в свастики крестах.

Река кипела и алела От крови, хлещущей из ран, И от натуги тяжелела Под грудой тел. Москва, ты нам Защитой стала и преградой Фашистским полчищам зверей, Вода твоя — большой наградой Для в бой идущих сыновей...

Когда ударили «Катюши» Из сквера в центре городском, Вдруг распахнулись наши души — Отходит фриц назад! Бегом!

Как долго было до Берлина! Но той Саввинской слободы Мы не забудем — там впервые Победы вкус узнали мы.

Звенигородские высоты... Когда бываю здесь, всегда Я вспоминаю наши роты, В снегах полегшие тогда.

Я не забуду побратимов, Покой нашедших в той земле, Их завещание: «Хотим мы Любви и счастья на Земле!».

Январь 1972 года

Галина Гашунина

Галина Гашунина

Гашунина Галина Викторовна — прозаик. Член Союза писателей XXI века. Закончила Московский институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. Автор трех книг рассказов и эссе. Публиковалась в газетах «Наш изограф», «Диалог», в альманахах «Муза», «Истоки» и ежегодных сборниках ЛИТО ЦДУ РАН.

Когда надежда умирает первой

Гремит и гремит войны барабан. Зовёт железо в живых втыкать. Из каждой страны за рабом раба Бросают на сталь штыка. За что?

(В. В. Маяковский «К ответу!»)

Мой родной дед Иван пропал без вести в 1942 году. Бабушка до конца своих дней так и не узнала горькую правду о его судьбе. У меня выросли дети — его правнуки. И только им, через 65 лет после окончания войны, открылись страницы прошлого, связанные с судьбой Ивана Васильевича Устанина. В 1941 году, когда была объявлена всеобщая мобилизация, Иван попал на фронт. Вряд ли он был подготовлен к войне, как полноценный боец, и, возможно, считаясь очень хорошим специалистом в области связи, призывался на фронт в качестве связиста. В воинском звании «лейтенант» его зачислили в 269-ю стрелковую Рогачевскую дивизию.

В начале войны перед штабом армии стояла единственная задача — не дать возможности вражеским войскам пробиться к Москве, поэтому вдоль всей наступательной линии сосредотачивались огромные силы. В октябре 1941 года Рогачевская дивизия была брошена на оборону города Дмитровска Орловской губернии. Получив приказ любой ценой задержать продвижение качественно обученных и хорошо вооружённых вражеских войск, рогачёвцы стояли до последнего,

но оккупанты, замкнув Дмитровск плотным кольцом и одновременно атакуя по всем направлениям, прорвали оборону города. Большая часть красноармейцев погибла. Иван в числе сотен оставшихся в живых был взят в плен. С этого момента начали исчисляться дни и часы его Голгофы. Ему, ровеснику века, шёл 41 год, и в тылу у него оставалась семья — жена Лиза и двое детей: сын Шура и дочь Лилечка.

Он оказался в концлагере «Шталаг-350» в районе латвийского города Саласпилс. Под германские шталаги тогда в срочном порядке переоборудовали фабрики, психиатрические больницы, на скорую руку силами самих военнопленных возводили новые лагерные бараки. Надежды на спасение попавшим в Шталаг не было никакой, она умирала тотчас. Достаточно было очутиться за несколькими рядами колючей проволоки и ощутить полную зависимость от людей, внешностью и повадками схожих с уголовниками.

Состояние жуткой безысходности отражалось в глазах уже томившихся в неволе военнопленных. Вынужденные терпеть изнуряющее чувство голода, ночевать в земляных норах и на виду у всех справлять нужду, одни впадали в безумие, другие сознательно провоцировали надзирателей на выстрел. Иван все это видел. Ему, человеку мужественному от природы, с развитым чувством самоуважения, приходилось прилагать неимоверные усилия воли, чтобы ничего подобного с ним не случилось. Он пытался отстраняться от действительности. А она была чудовищной. В их лагерь просачивались вести о том, что где-то совсем рядом находится барак с советскими детьми, которых истязают гитлеровцы, эти крепкие и наглые холуи фашистской империи. У детей день за днём забирали кровь для раненых солдат рейха, подвергали их немыслимым медицинским экспериментам. «Как там мои Шурик и Лилечка, — думал Иван. — Пусть мне выпала такая страшная участь: я буду держаться из последних сил, я буду держаться до конца, только бы у них, мои дорогих и любимых, только бы у них было все хорошо...»

Надзиратели находили особое удовольствие в издевательстве над военнопленными. Заключённых заставляли бессмысленно перетаскивать землю с места на место или бегать по кругу до изнеможения, а тех, кто не мог этого делать, беспощадно били прикладами. Мучительно и бессмысленно тянулось время. Но разум ещё служил ему. Возможность мыслями уходить в счастливое прошлое немного облегчала существование. Картины прошедших дней вставали перед его потухшим взором. Вот он, оставив шумную и драчливую ватагу

мальчишек, стоит на клиросе рядом с регентом — своим отцом — и, зачарованно слушая стройное и благозвучное пение церковного хора, что-то крайне важное открывает для себя. Вот он на ярко освещённом и очень оживлённом катке, где впервые встречает и навсегда влюбляется в свою будущую жену Лизу. В памяти возникает большой сводный оркестр, он — среди музыкантов-духовиков со своей чудной подругой балалайкой. С каким чувством прикасается он к ее струнам, как в его руках она поёт на разные лады. И все это было, было, но не вернётся уже никогда...

По истечении десяти месяцев нахождения в «Шталаге-350», который уже давно не вмещал постоянно прибывающих советских военнопленных, Ивана этапировали в Германию в концлагерь Цайтхайн. Дорогу Иван помнил плохо, передвигался он с большим трудом, так передвигаются совершенно истощённые и тяжелобольные люди. В Цайтхайне, где свирепствовали тиф и дизентерия, в холодном, продуваемом всеми ветрами бараке он продержался только месяц.

Второго октября 1942 года Ивана Устанина не стало. В тот ясный и безоблачный день в небе чужой страны пролетала журавлиная стая, и ее прощальный крик звучал как реквием по закончившему свой тяжкий земной путь русскому советскому человеку. Жизнь его потомков отныне потекла по другому, насильственно созданному гитлеризмом, руслу. Мне никогда не суждено уже было обнять своего дедушку, прижаться к его надёжному плечу, услышать его тёплый и ласковый голос.

Через много-много лет, осенью 2013 года над Германией снова летели печальным клином журавли. Мы с моей дочерью, правнучкой Ивана, обнявшись, стояли у обелиска, воздвигнутого в 1948 году в память узникам концлагеря. Плача, я шептала: «Дедушка, дорогой! Твоя мученическая смерть сродни бессловесному героизму. Несмотря ни на что ты до последней минуты оставался человеком и одержал духовную победу над фашистами, жаждущими поставить наш народ на колени.

Спасибо тебе за героизм, за преданность своей стране, спасибо за бесценную для меня жизнь, которую ты оставил после себя в лице своей Лилечки ставшей, спустя годы, моей мамой».

Сентябрь 2013

Вадим Гиршгорн

Гиршгорн Вадим Моисеевич (1.12.1946–18.06.2020) — кандидат технических наук, работал ведущим научным сотрудником во ВНИИ полимерных волокон, специалист в области мембранной технологии. Член Союза писателей XXI века. Имеет литературные награды. Последние 10 лет активно участвовал в работе ЛИТО ЦДУ РАН, читал свои произведения на литературных вечерах Дома учёных на Пречистенке

и в библиотеках г. Москвы. Публиковался в литературных газетах, журналах, альманахах, выпустил книгу «Утреня». В архиве писателя осталось много неопубликованных произведений.

Bepa

Вторая декада января 1944 года. Мотострелковая бригада наступает уже третий день, в строю осталась половина состава. Ещё пару дней и остатки части отведут в тыл на переформирование, это будет продолжением жизни для тех, кто уцелел.

Рядовой Саша Горелов, вчерашний московский школьник, притулился в траншее и ждал вместе со своим взводом сигнала к атаке. Ребята из миномётного взвода только что заставили замолчать расположившийся на высотке пулемёт противника, из-за которого нельзя было поднять голову. И пока немчура не очухалась, надо было атаковать. Саша несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух и вспомнил одноклассницу, свою школьную любовь.

Вот пошла сигнальная ракета, взводные закричали: «Вперёд, в атаку!», тряся за плечи и раздавая тумаки тем, кто не мог совладать с собой и задержался в укрытии. Поредевшая рота поднялась и под свист пуль побежала к первой линии вражеской обороны. Александр с винтовкой наперевес преодолел уже почти половину расстояния до немецких окопов, когда боль в правом плече опрокинула его на спину и выключила на несколько минут сознание. Очнулся он, когда к нему подползли два санитара и волоком дотащили до траншеи. Скинули набухшую кровью телогрейку, перевязали индивидуальным

пакетом. Через пару часов вместе с другими ранеными Александра довезли до медсанбата. Из его плеча врач под наркозом вытащил осколок снаряда: «Везунчик! Будет жить!».

В висках стучало. Солдат потерял много крови и ослаб, как на грех с дальнейшей эвакуацией вышла задержка. Большая часть грузовиков бригады была на тот момент уже уничтожена немецкой артиллерией и авиацией, их теперь не хватало даже для подвоза боеприпасов и солярки для танков, и машина за ранеными пришла только на вторые сутки.

На третьи сутки они добрались до эвакуационного госпиталя, ему обработали рану и провели принятые санитарные мероприятия. Александр от высокой температуры часто впадал в забытьё, ему не хватало воздуха. Рана опухала, это было плохим признаком — стрептококковая инфекция. Потерянные сутки при эвакуации и задержка активного лечения плохо сказались на нём. Мазь Вишневского помогала мало. Он отмечал про себя, как врач после осмотра, истратив свои душевные силы, опускает руки, а молодая медсестра, укутывая его одеялом, не может скрыть расстроенного выражения лица.

В левом нагрудном кармане гимнастёрки Александр носил помогавший ему воевать комсомольский билет, а на самом дне кармана осталось подаренное бабушкой маленькое православное распятие. В окне палаты, куда положили юношу, виднелась во дворе старая церковь, правда, с купола сняли крест, но распятие было у Саши в руках, и впервые в жизни он подумал, что силы небесные реальны, напоминают о себе своими символами и не должны оставить его. Какимто внутренним зрением он стал видеть свою жизнь дальше текущих дней и не верил, что она оборвётся.

Внутренняя паника, когда больной осознаёт, что инфекция наступает и состояние ухудшается, была лишь час-полтора. А дальше, несмотря на тяжёлое самочувствие, он стал неумело, но убеждённо молиться Богу о выздоровлении. И в этой своей уверенности твёрдо надеялся на благоприятный исход. Он чувствовал, что от молитвы его существование наполнилось каким-то глубинным неведомым ранее смыслом, и этот смысл выходил уже за рамки его нынешней сознательной жизни, укреплял и украшал его бытие. Он был уверен, что сонм сил небесных не оставит его. Теперь Александр стал часто ощущать посещавшее его целебное тепло и внутреннюю пульсацию, как будто у него заработало второе сердце.

На двенадцатый день раненый почувствовал себя немного лучше, и температура спала на градус. Во второй половине дня к Александру подошёл врач и оповестил, что в госпитале учёные-медики испытывают новое, небывало сильное лекарство — уколы пенициллина — и, если он, пациент, даст согласие, ему проведут курс. Саша радостно кивнул.

Рана заживала медленно, Горелов пробыл в госпитале ещё полтора месяца. В начале второго месяца он начал гулять по парку, разбитому на территории госпиталя, выбирался на дорогу, проходящую мимо ограды. Он любил природу средней полосы. С удовольствием глядел на поля и рощицы, расположенные вдоль дороги. Шагая по просёлку, он напоминал себе человека, идущего по жизненному пути. Куда приведёт эта дорога? Конечно, будущее волновало его. Часто он задумывался о Москве, о родительском доме. Как-то на прогулке, обращаясь к Небу, он спросил: «Господи, судьба ли мне вот так гулять ещё по моей Москве?» И тут, вопреки всем привычным физическим законам нашей жизни, среди тишины безлюдной местности он услышал негромкий, но властный и твёрдый голос, похожий на далёкие раскаты грома: «Москва ещё будет твоей!»

Спустя два года — сбылось!

21, 22 июня 2019

Быть собой

(пока фантастика...)

Николай Волков в составе туристической группы гулял по незнакомому ему Мюнхену. Вдруг что-то насторожило его, почудилось: «За этим углом сейчас будет пивной бар». Они повернули, и точно — экскурсовод стал рассказывать: «А в этом питейном заведении "Хофбройхауз" в начале 20-х годов прошлого века собирались Гитлер и его боевики». Николая стало лихорадить и потянуло заглянуть внутрь. Он открыл тяжёлую дверь и шагнул. Сердце замерло — сейчас будут три ступеньки вниз. Да, вот они! Николай спустился. Огромный зал, уставленный столами и стульями, был пуст. Вопреки здравому смыслу Коле казалось, что он часто бывал здесь.

«Эй, Курт Вольцоф, старый товарищ,— зазвенело у него в ушах,— садись с нами, камрад. Вот твоё пиво. Сейчас будет гово-

рить группенфюрер». Курта слегка мутило от того, что он недавно бросал булыжники в застекленные окна помещения местной ячейки коммунистической партии и грабил с подельниками квартиру, принадлежащую еврейской семье. Но он внимательно слушал выступавшего: «Коммунисты наши враги, они должны сидеть в тюрьмах. Фамильные ценности из квартир евреев, их вклады в банки нам сейчас нужны! На добытое мы кормим своих штурмовиков, пропагандируем нацистские идеи. С этими средствами и пожертвованиями спонсоров, мы победим на выборах! Но всё это мелочёвка, — продолжал босс, — нас ждут дела посерьёзнее. Когда придём к власти, Крупп нам сделает пушки и танки, и тогда мы дойдём до Урала! Дранг нах Остен! Перебьём славян, оставим в живых ровно столько, сколько потребуется, чтобы обслуживать нас, окончательно решим еврейский вопрос. И на просторах Европы будет жить немецкая арийская раса!»

Николай выбежал из пивной, вернулся в гостиницу и в бессилии упал на кровать. Голоса-воспоминания продолжали преследовать его. Это что же? Выходит, когда-то он проживал другую жизнь и был немцем-нацистом? Тогда, значит, он воевал против своего деда Ивана Волкова, который до недавнего времени глубоким стариком в родном доме в России делил семейную жизнь с ним, отцом и другими домашними? Возможно, деда и этого Курта в сороковых разделяла узкая полоска земли, именуемая линией фронта, и он, будучи немцем, Куртом, выходит, стрелял в сторону противника — своего нынешнего деда и его боевых товарищей?

Или того хуже: ведь дед был в плену, сидел в немецком концлагере для военнопленных, а он, этот Курт, могло так сложиться, стоял у ворот с автоматом, или сторожил на вышке с пулемётом, бросал окурки или объедки, которые подбирали изголодавшиеся военнопленные. А может, был в расстрельной команде?

Николай вернулся домой до срока окончания турпутёвки. Ему было плохо. Он очень переживал этот свой сомнительный статус, совершенно потерял интерес к жизни и даже порой подумывал покончить с ней. Взгляд его часто останавливался на верёвке, которая висела в кладовой. В один из дней он всё рассказал отцу.

Тот, зная своего сына как здравомыслящего человека, поверил ему:

— Конечно, нет никаких реальных доказательств, что это было, но чувствую — такое возможно. Несмотря ни на что, настоящую теперешнюю жизнь надо прожить, раз она тебе дана. И не вздумай дурить!!!

Николай отправил письмо по электронной почте своему другу-немцу, в котором изложил происшедшее с ним в Мюнхене. Тот переслал своим знакомым, как необычную удивительную историю. Письмо попало в сети, обросло комментариями. Нашлась пожилая женщина, жившая в соседнем доме с той самой мюнхенской пивной. В 40-е годы она была маленькой девочкой. «Курт Вольцоф был моим соседом, — написала она в сетях, — жил в квартире напротив, часто бывал в пивной. В 1941 году в военной форме он по повестке убыл на Восточный фронт, с тех пор его никто не видел. Уезжая, оставил мне небольшой пакет с деньгами (на платья). Сказал: «В окопах деньги не пригодятся»».

- 1000 рейхсмарок, для Гретхен? — вспоминая, запросил Коля Волков через сети.

— Да, верно...

Историю, изложенную русским парнем Николаем, стали раскручивать западные СМИ. Журналы соблазняла мистическая недосказанность этого сюжета. Что же, выходит, существует иная жизнь?

Реакция читателей стран европейского сообщества неожиданно аукнулась изменением внутриполитического уклада жизни. Резко пошли на убыль уличные выступления нацистских организаций: кому придёт в голову делать жизнь другого народа хуже, если ты сам рискуешь со временем родиться в этой среде? Террористические группы сократили активность без каких-либо заявлений. Надо полагать, по той же причине.

Следя за СМИ и оценивая общественные сдвиги, Николай Волков понял, что потрясения, которые он пережил, были не напрасны. Точно, он живёт на свете не зря. А может, для человечества действительно настало время, когда даже до глубоких психопатов типа Гитлера априори доходит, что, задумывая геноцид, они подписывают свой приговор.

Сейчас Коля ждёт рождения своего первенца. Врачи уверяют, будет дочка. Хочет назвать её именем, которое имеет хождение как в России, так и в Германии. Например, Катя (по-немецки Катрин) или Кристина (Кристен). Жена пусть решает.

3–14 января 2020

Солдат

Иван сын Алексеев призыва 1810 года служил рядовым в орудийном расчёте артиллерийской роты, которая входила в пехотный корпус генерала Раевского. Было начало сентября 1812 года. Стояла золотая осень. Готовясь к сражению, они заняли курганную высоту, господствующую над открытой местностью, и возводили земляные укрепления для усиления позиции. Жерла пушек уже грозно смотрели в сторону ожидаемого врага. Сегодня днём в полутора верстах от них появились крупными силами французы и разбили в пределах видимости большой лагерь.

Иван выпросил у унтер-офицера подзорную трубу и, опершись на бруствер, стал рассматривать неприятеля. Это были пехотинцы. Они отдыхали от перехода, принимали пищу и готовились к наступлению. Внимание Ивана привлёк лесок справа от лагеря французов. Он был хорош для скрытого размещения конницы, которая могла оттуда провести неожиданную и быструю атаку на их батарею. «Ну да офицеры наши всё это хорошо видят», — рассудил солдат.

Вечером пришел полковой священник и отслужил короткий молебен о победе русского оружия. Всё говорило о том, что завтра они будут уже в деле, что шуткам нет места: всё происходит реально и всерьёз. К ночи солдаты зажгли костры, чтобы греться и стали отходить ко сну подле своих орудий. Иван собрал с покоса охапку подсыхающей травы, развернул скатку, лёг на сено и укрылся шинелью. Рядом спали солдаты из его расчёта, в десятке метров от них егеря из приданной для прикрытия батареи пехотной роты пекли на углях картошку и тихо переговаривались.

Ночь была звёздной. Иван смотрел в небо и ему казалось, что кто-то оттуда с высоты наблюдает за этим скопищем войск, за ним и его товарищами. Веки смыкались, и он стал вспоминать свою прежнюю невоенную жизнь.

Началось с того, что два года назад к отцу Ивана, Алексею Петровичу, старшему в их роду и главе большого семейства, зашёл сельский староста и с полчаса беседовал с ним. После чего отец, оставшись один, позвал Ивана в горницу и, не глядя сыну в глаза, сказал:

— По правилам общины пришёл черёд с нашего двора в солдаты отдавать. Вас трое у меня, сыновей. Старший уже не в том возрасте, чтоб в рекруты идти, у среднего трое детей. И, если мы его пошлём, трое внуков моих без отцовской руки будут расти. А у тебя один

мальчонка, годовалый, он и не почувствует твоего ухода. К тому же лет тебе девятнадцатый годочек, через двадцать пять лет ещё молодым вернёшься, моложе меня теперяшнего...

Алексей Петрович совсем отвернул голову в сторону, чтобы скрыть своё страдание. Иван был его любимым сыном, но отец всегда под ревнивыми взглядами семьи отказывал себе в естественной радости за трапезой дать маленькому Ване лучший кусок или больше приласкать, чем других — надобно всем поровну. И вот сейчас он прощался с ним на двадцать пять лет, а по оставшимся ему, старику, годам жизни — навсегда.

Жена Вани, Екатерина, узнав, что стала солдаткой, закричала, ужаснувшись разлуке и концу своей счастливой женской жизни. «Цыц!» — заорал на неё Алексей Петрович, проклиная про себя весь этот нескладный окружающий мир. И Катя, закусив губу, убежала рыдать в сени.

— Ты того, — говорил отец, прощаясь с рекрутом, — спокойся, Ваня, твоих мы не оставим, всё наше поровну делить будем!

И вот два года Иван тянет солдатскую лямку. Раз в полгода они с Катей, неграмотные люди, обмениваются письмами. Пишут и читают им сельский дьячок и полковой писарь. Жена отписывает, что отец не обижает: и одёжа, и обувка, и кусок хлеба — всё есть. Сыну, Саньке, уже три года, и он стал страсть какой смышлёный. Диктуя письма дьячку, многим поделиться Катерина не могла, но хотя бы так.

Иван отвлёкся от воспоминаний и ему представилось, что французы, которые стоят рядом лагерем, эти французы входят в их село, чтобы грабить земляков, осквернить его родной дом. И тут он понял, что не уйдёт завтра с батареи как бы ни сложилось. Разобьют их орудие — у него есть ещё солдатское кремнёвое ружьё, бьющее на триста шагов, и трехгранный штык. Будь что будет: Господь не выдаст, а свинья не съест!

Как раз в эти минуты в далёком родном селе его трёхлетний сын проснулся и спросил у матери: «А скоро к нам приедет тятя?» Мать ничего не ответила. Быстро поцеловала вихрастую головку, и на лоб малыша из её глаз упали тёплые капли.

16-18 апреля 2019

* * *

Инга Гланцева

Гланцева Инга Михайловна родилась в Ленинграде, окончила химический факультет Технологического Института имени Ленсовета и Институт Патентоведения. Работала в Институте органической химии имени Н. Д. Зелинского РАН. Опубликовала три сборника стихотворений. Есть публикации в австралийском журнале «Русская мозаика» и в литературных альманахах («Третье

дыхание», альманахи ЛИТО ЦДУ РАН).

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Нас убивали. Жизнь круша, Жгли города, деревни, Людей России верных,

Я маленькой была тогда, Но боль живёт всё эта, Как времени примета, Она в душе моей всегда.

Зло повседневное верша.

О, сколько сердца горьких слёз Пролито каждой мамой И до Победы самой, И в память всех военных гроз.

Войне конец, был враг разбит, Но забывать нельзя нам Тех слёз, пролитых мамой. Жизнь на той памяти стоит. На нашу долю выпала война... Четыре года ждали мы победы. Её нам принесли отцы и деды. И вот по городу идёт Она.

* * *

В глазах решимость тех далёких дней, Когда гремело на полях сражений, Грудь в орденах, медалях и раненьях. Мы голову склоняем перед ней.

Она седую вскидывает гордо И памятью проходит по сердцам. Спасибо нашим дедам и отцам, Что за Победу выстояли твёрдо.

На наше детство выпала война... Ох, мамам нашим так досталось! Под стать героям, оказалось. В трудах тяжёлых выжила страна.

Жизнь быстро пролетела. И теперь Военных детских лет воспоминанья Тревожат душу и в молчанье, И память настежь им открыла дверь.

* * *

27 января 1944 г. — день полного снятия блокады Ленинграда.

Эта дата, простите, не «каждая», А совсем особая дата. За неё умирали граждане, За неё погибали солдаты.

Не день и не два — девятьсот целых дней Ждали люди её и мечтали о ней.

Эта дата для всех нас особая, Рассказать вам о ней я попробую.

На Пискарёвском есть столько могил, Что не счесть ни за день, ни за два. Здесь те, кто трудился и сил не щадил, Хоть теплилась жизнь в них едва.

Здесь те, кто делил свою пайку с семьёй, Чтоб выжил ребёнок и мама. И те, кто закидывал бомбы землёй До полной победы, до самой!

Они отстояли родной Ленинград И жизнь положили на это. И снова открылся для всех Летний сад, И город наполнился светом.

Нельзя забывать нам об этой войне, Нельзя забывать о блокаде, О людях, принесших Победу стране, Для нас, для детей, жизни ради. * * *

Как много разных нас и разных стран, Под нами же земля для всех одна, Один над нами неба океан, На всех одни и солнце и луна.

Давно известно — бог на всех один, Хоть разные имеет имена. А человек с рожденья до седин — И имя лишь одно, и жизнь одна.

Так как же можно эту жизнь одну Спустить, как поезд, под откос войны? И ею скрыть и солнце и луну? Нам наши дни для этого даны?

О, человек, одно тебе лишь имя — Ты — Человек! Хоть жизнь дана одна. Люби людей, детей своих, над ними Всегда пусть светят солнце и луна.

* * *

После прочтения книги Д. Гранина «Мой лейтенант»

Тот лейтенант Д., что у Гранина, Напомнил остро о войне. Увидела я поле бранное В коротком и некрепком сне.

И тех ребят, замёрзших и голодных, С винтовками, прилипшими к руке, Не помнящими, что такое отдых, Но знающими— смерть невдалеке.

И разбомблённый мой любимый город, В блокаде гибнущих людей, Одежды удушает ворот От взглядов маленьких детей.

И не спасти, и не помочь... Как долго длится эта ночь

* * *

Вспоминать так больно о блокаде, Кровью наполняется душа, И к какой представить их награде Чтоб она была бы хороша.

Всем тем выжившим и тем умершим, Защитивших саму Жизнь собой, И собой врагов наших повергших. Девятьсот страшных дней шёл тот бой.

И не покидает душу эта Войны кровавая примета.

* * *

Я Блокадную Книгу читаю. Сколько горя и сколько потерь... И как будто была там, и знаю Этот ужас и боль, ты поверь.

И хочу поддержать и помочь им, Накормить, приласкать, обогреть. Нет покоя мне днём да и ночью, А прочла пока книгу на треть. Честь и слава, и память навечно, Ленинградцы, родные мои, Благородство души, человечность, Побеждали несчастья свои.

Я Блокадную Книгу читаю. Не была там, но будто была, А какими словами, не знаю, Рассказать тебе, если б смогла.

Лорина Ермилова

Ермилова Лорина Анатольевна окончила МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала переводчиком научно-технической и патентной литературы. Пишет стихи и прозу. Печатается в коллективных сборниках. Участница нескольких литературных объединений Москвы. Любит путешествовать, увлекается фотографией. Стихи начала писать в 60-е годы XX века, будучи студенткой филологиче-

ского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Но интерес, любовь к стихам зародились в детстве.

* * *

В годы войны бабушка взяла меня в глухую ярославскую деревню, где и спасала от голода и холода. Моя бабушка, Евгения Константиновна Иванова, с отличием окончила церковно-приходское училище и знала наизусть много стихов русских поэтов. По вечерам она часто читала мне стихи, когда мы грелись на русской печке. Стихи по воспоминаниям детства пишутся до сих пор.

Родные леса Ярославской земли Меня от военной беды сберегли. Вскормили меня разнотравьем поля, Вспоила меня своим соком земля. И я потому лишь живу и дышу, Что соки целебные в жилах ношу.

Встреча

Посвящается детям Великой Отечественной войны 1941–45 гг., «подранкам»

Август 2011 года я провела на даче сына. Однажды я задержалась допоздна у соседей, а меня уже ждали. На крыльце меня встретил маленький лупоглазый лягушонок. Он не испугался, а смотрел на меня во все глаза, в которых я прочла вопрос: «Ну и где же ты пропадала? Я заждался». День был жаркий, надо было полить участок, и я быстро включила воду, взялась за шланг. Лягушонок ускакал с крыльца в мокрую траву, а я, благодаря встрече с ним, увидела ночью во сне картинки моего детства: как после войны мы, дети, носились по лесным окрестностям нашего военного городка под Наро-Фоминском, где были жестокие бои, и который позже назвали именем Героя Советского Союза Василия Ивановича Шибанкова. Вспоминала я, как мы бегали босиком по лужицам, полным лягушачьей икры, брали ее в руки и разглядывали, старались поймать лягушек, наблюдали за их жизнью. В те же годы в лесах вокруг городка росла масса грибов. они росли даже в самом городке. Помню пни, облепленные опятами, рядом с нашим домом. Мы собирали их целыми ведрами и вечерами радовали своих матерей. Ведь у нас почти у всех отцы погибли на войне. Она, эта война, еще напоминала о себе взрывами мин в лесах, гипсовыми памятниками погибшим бойцам. Моя мама была учительницей в единственной школе в городке, и один её ученик погиб, подорвавшись в лесу на мине... Мы носились всюду, забегая в расположение воинских частей. Там перед казармами были посажены солдатами роскошные клумбы цветов. саранчой налетали мы на них, быстро обрывали цветы и улепётывали. По вечерам мы отдавали букеты своим уставшим матерям. Ведь кроме нас им никто не дарил цветов в первые годы после войны. Видели мы и пленных немцев. Они работали на лесопилке и приходили в городок на местный маленький рыночек, покупали у деревенских женщин молоко кружками и хлеб кусками, которые укладывали в зеленые холщёвые сумки. В нашей школе пленный немец сделал мне раскладушку из четырех реек и байкового одеяла. Война отняла у многих из нас отцовскую любовь. Мы выросли наполовину недолюбленными. Я не помнила своего отца, он, офицерартиллерист, кадровый военный, поцеловал меня десятимесячную, заплакал и ушел от меня навсегда 25 июня 1941 года... В десять лет

во мне появилось желание что-то узнать о своем отце. Это случилось после рассказа по радио о Брестской крепости. среди ее защитников прозвучала фамилия моего отца «Виноградов», и я подумала, что это был мой отец. Но только через многие, многие годы, после неоднократных запросов в Подольский архив я узнала, что он участвовал в других боях, обороняя белорусский город Могилёв. Он был командиром артиллерийской батареи 438-го корпусного артполка, 61-го стрелкового корпуса, прославившего себя в боях несчастливой 13-й армии. Именно об обороне города Могилёва писал позже Константин Симонов, три дня пробывший с артиллеристами в полном немецком окружении. Возможно, он видел моего отца? Все может быть... Некоторым из нас, теперь уже седым, семидесятилетним, отцы успели посмотреть в глаза перед уходом на фронт. Другие родились уже без них, в тяжелом сорок втором. Детство наше было опалено войной, оккупацией, голодом, послевоенными страданиями в разрушенных семьях. Но мы выросли с памятью о наших отцах, спасших нашу Родину, и эта память помогала нам.

P.S. Какое странное совпадение! Только написав этот рассказ, я вспомнила, что ровно 70 лет назад, в августе 1941 года, погиб мой отец... Бедный маленький лягушонок, что ты наделал?

2011, август

Ирина Ильина

Ильина (Михайлюк) Ирина Константиновна родилась и живёт в Москве. Инженер-экономист, работала в космической отрасли, затем преподавала экономику. Поэзия присутствует в её жизни с детства, но публикуется с 1997 года, с 1998 г. — член МГО СП России, литературного клуба СП «Московитянка», ЛИТО ЦДУ РАН. Вышли в свет 10 поэтических сборников, основная тематика которых — философская лирика, при-

нимает участие и в коллективных печатных изданиях СП России. По приглашению с творческими визитами была в Грузии (дважды), в Украине, в Словакии, в Австрии. в настоящее время творческие вечера проходят в ЦДЛ, ЦДУ РАН и в библиотеках Москвы. Имеет литературные награды.

Тыловые письма

Июнь 1941. Воскресенье. В доме весёлые хлопоты. Молодые папа и мама заботливо собирают своих малышек 1 и 3 лет на лето к бабушке в деревню. Но в одно мгновение всё рушится. В мирную жизнь безжалостно врывается война. И отныне судьбы миллионов становятся жатвой беспощадной, безвозвратно пожирающей людей молотилки, в которой нет места, казалось бы, ничему человеческому. И как же трудно, да и невозможно порой было выжить в этом земном аду.

Такая судьба постигла и нашу семью. И только спустя много лет по скудным редким рассказам и письмам родителей и бабушки, бережно хранимым в дальних уголках вполне мирного дома, мне удалосьтаки хоть немного восстановить, понять и прочувствовать, что это были за годы. Моих же воспоминаний совсем мало... Зима, теплушка, щели в которой заложены какими-то тюками с вещами, я закутана в теплый ватник и бабушкин платок накрест, так, что и дышать трудно. Сижу на деревянных не струганых нарах, вагон трясётся и вздрагивает в движении, полутемно. И вдруг резкое торможение, я падаю с нар и рядом по доскам растекается огромное тёмное пятно. Это тоже упала и разбилась драгоценная бутылочка с йодом. Бабушка охает возле меня и горько плачет, в глазах её ужас и непонятно, чего мы обе боль-

ше испугались — моего или драгоценной бутылочки падения. Бабуля ещё долго причитает, и я понимаю, что случилось что-то страшное, непоправимое и нам никто уже теперь больше не поможет... Следующая, так и не исчезающая из памяти картина — та же теплушка только теперь это уже наш дом, зима, я пытаюсь в своих не снимаемых, словно сросшихся со мною ватнике и платке по каким-то тюкам в углу добраться до единственного в этой коробке-теплушке, вечно замёрзшего верхнего оконца, чтобы процарапать в наледи дырочку и высматривать в этот малюсенький, оттаянный детским дыханием долгими зимними часами просвет маму с работы. Метельная сибирская стужа, стены подрагивают от порывов ветра, завывает так, что, кажется, сейчас унесёт нас в никуда. Я жду очень долго, переживаю и наконец вижу её, в тёмном пальтишке, согнувшуюся под вьюжными залпами, и плачу от восторга, что она всё-таки дошла, пришла, и скатываюсь с мягкой баррикады ей навстречу. Мама здесь, и я здесь, и больше ничего не надо, и счастье! Больше из всей нашей жесточайшей сибирской эвакуации не помню ничего. Только потом, уже в Москве, помню, как долго и тяжко болела и всё время в жар приходил страшный мучительный бред — я лежу неподвижно, словно скованная бессильем, и на меня с воем с невиданной злобной скоростью летит тяжеленный глиняный шар. Он живой и сейчас он раздавит меня, всмятку... И в ужасе я дико кричу, из общей кухни прибегает мама, хватает меня на руки и защищает, шар исчезает. Успела, я спасена. Этот бред повторялся много лет при очередной высокой температуре, порой предвещая её. И ещё помню, как однажды среди ночи мама будит меня, тяжело больную, и стоя на коленях у моей постельки, со слезами умоляет меня проглотить какой-то страшненький тёмный шарик. Я отказываюсь, плачу, у меня нет сил, мне очень плохо. А мама отчаянно просит, продолжает настаивать, объясняя, что это пирожное, картошка, и папе дали его на работе, как премию за старание, и он среди ночи привёз его домой, мы все тогда голодали, и я должна непременно это съесть, чтобы появились силы поправиться. Мама почти молится на этот крохотный темный шарик, но я так и не смогла проглотить его, этот загадочный шарик, сил не было. Ходить я тогда разучилась и вновь училась этому уже на четвёртом году. И ещё помню про телефон. Телефон во всём огромном доме был только у нас в комнате, папу вызывали на работу в любое время суток, он почти не ночевал дома. Но знали этот номер все жильцы, и звонили при необходимости нам отовсюду, а мы, дети, извещали дальше о звонке, стуча в стенку или по батарее, заучив наизусть, кому и как стучать. И люди бежали к нам, чтобы получить важное известие для себя. Весь дом в те годы жил одним дыханием, все радости и печали были общими.

И вот недавно я снова перечитала письма родителей времён их разлуки, нашей эвакуации, тыловые письма — бурые, потёртые, иногда совсем уже ветхие от перечитывания странички из давнего военного прошлого, которое так и не ушло из детской памяти. И захотелось хоть немного поведать о том времени, когда и рвались, и скреплялись ещё сильнее чувства и надежды миллионов живых. Не буду ничего предварять, просто поясню, что папа был оставлен в Москве на ответственном участке работы в министерстве, а мама с нами и бабушкой отправлена в эвакуацию и работала в Сибири на станции Инская, живя в закреплённой за нами теплушке без всяких удобств. На самовыживании. Весточки друг другу они отправляли при каждой возможности, очень любили друг друга и даже в самые трудные и страшные дни не сплоховали и выстояли.

А дальше пусть говорят ОНИ скупыми строчками своих писем.

Папа:

г. Москва 30 июля 1942 г.

Здравствуйте, Женя, Ингуся, Ирочка и Е. И.!!!

Пользуюсь ещё раз счастливой случайностью — поездкой Гали к Вам в Новосибирск и посылаю Вам это письмо и кое-какую посылочку — крупа пшено 4 кг, сахар 2,5 кг, горох 2 кг, 1 бутылка русского масла, 0,8 кг соли, 2 плитки шоколада и кое- какие вещи. Правда, ещё около 1 кг сушек. Эта посылка очень скромная, но я делаю всё, что в моих возможностях, чтобы помочь Вам... В Москве довольно- таки голодно. Всё, что дают по карточкам, съедаем в обед, тоже довольно скудный. Утром и вечером я питаюсь супом из ржаной муки и какойнибудь крупы. Это всё без жиров. Получается вроде клейстера, которым клеят обои, и по виду, и по вкусу. Вещь отвратительная, но я съедаю это успешно всё без остатка. Ничего не сделаешь. Другого выхода нет, похудел на 24 кг...

- г. Москва 1942 г.
- 2) ... опытная установка вагонных весов по моему предложению «реконструкция одинарных вагонных весов в двойные» будет произведена в текущем году на Горьковской ж.д.. Это дело можно считать состоявшимся.

- 3) 13.05.42 я получил второе авторское свидетельство на «Циферблатные весы». Следовательно, и этот труд не прошёл даром. Теперь можно сказать, что у меня 2 изобретения...
- 5) за мной закрепили вагон № 302 с правом курсирования по всей сети железных дорог СССР на 1942.г...

17 декабря Москва

Здравствуйте, дорогие и любимые Женя, Ира и Ингуся! Крепко Вас обнимаю и целую!!! Женя, ты чего-то перестала писать. Вот уже 10 дней, как не имею от тебя писем. В чём дело? Неужели ты решила мне мстить... Но ведь я не писал потому, что не было ничего приятного, чтобы поделиться с тобой. А ведь у Вас с дочурками что ни день, то новости — домашние, очень интересные для меня. Очень прошу тебя — пиши мне чаще и подробнее обо всём...

Наша встреча с тобой и детками оттягивается тем, что заболел Нарком, который должен подписать тебе вызов. Его положили в больницу и сделали операцию — аппендицит. В ближайшее время он выйдет из больницы и вызов будет подписан.

13 декабря получил от Комитета телеграмму, где Председатель Комитета в категорической форме настаивает на выезде представителя НКПС на ст. Иртышский Завод. Использую её максимально, чтобы и приехать к Вам...

Декабрь 1942 г., г. Москва

...Наша с тобой разлука так много приносит мне хлопот, что я больше не в силах переносить её. Спешу скорее забрать Вас в Москву и будем жить вместе. Вместе нам будет прекрасно. Для меня день Вашего приезда будет подлинным праздником. Мне иногда даже не верится, что я скоро дождусь этого дня.

А такой день всё же скоро будет! Одновременно с твоим вызовом я через управление и НКПС оформляю и почти уверен, что мне это удастся, вызов всей семьи...

Декабрь 1942 г., г. Москва

...догорают последние запасы керосина, а дальше хана-капут. Придётся сидеть в темноте...

Единственное, что оживляет и наполняет мою жизнь — это заботы о внедрении рационализаторских предложений, о подготовке к встрече Вас, о вызове тебя вместе с нашими крошками в Москву, это заполняет мой мозг и питает его и днём, и ночью...

Внедрение моих рационализаторских предложений — большой подарок Родине. Как только разобьём врага — немецких фашистов, начнётся огромная созидательная работа. Вот тут-то и придут на помощь мои изобретения. Большую экономию дадут они государству. Вот почему весь смысл своей работы я свожу сейчас к работе над своими изобретениями. Радостно будет от сознания, что в тяжёлые для Родины дни и мы не сидели сложа руки, не почивали на лаврах, не лодырничали. А занимались, помимо основной напряжённой работы, большим творческим трудом и разрабатывали мероприятия, обеспечивающие быстрое с наименьшей затратой материальных и денежных средств восстановление железнодорожного транспорта...

Декабрь1942 г. Москва

Женечка! Ты не печалься, если я не приеду. Обстановка на фронте и вообще в стране сейчас очень серьёзная. Все мы переживаем большие трудности и испытываем лишения. В такой обстановке самое главное быть живыми и здоровыми. К счастью у нас все пока живы и здоровы. Будем надеяться, что всё будет хорошо и мы с тобой, моя родная, и наши детки любимые будем все вместе. Всё равно, где это будет — в Москве, Новосибирске или в другом городе...

г. Москва 1943 г.

Крысуля! Только что ко мне в комнату, где я дежурю, зашёл наш парторг зам УМ по кадрам Никулин и объявил, что мы вызываем твою семью!!! Как я рад!!! Это прямо замечательно!

5 февраля 1943 г. Москва

Здравствуйте, дорогие и любимые Женя и детки Ира и Ингуся!! Давно я Вам не писал, т. к. за этот период собирался сам поехать к Вам, но какая-то чертова сила держит меня здесь и не пускает...

Мама:

Лето 1942 г.

...Я работаю по вечерам. Но мысль, что ты подвергаешься опасности, по-прежнему мучает меня. Иночка уже каждый день ходит встречать папочку Котика. Инуле завтра — 3 года и 9 месяцев. Она очень похудела и повзрослела. Между прочим, девица очень своенравная. Ируська хорошо выглядит, хорошо ходит, но говорит плохо, почти ничего нового...

Ст. Инская 1942 г.

Родной мой Котик! ... конечно, Ирочке никакой обуви покупать не надо. Нужно Инге 28 номер и мне туфли и боты. Инге нужны валенки. Дети сидят дома, так как выйти на улицу не в чем. А впереди ещё сибирские морозы...

Ст. Инская 1942 г.

Здесь нет самых элементарных удобств. Вот уже неделя, как не работает колонка и приходится таскать воду по морозу за километр. Это с моей больной лопаткой. И всё остальное в том же духе...

4 декабря 1942 г.

Родной мой Котик!

Я сейчас так перегружена работой, что совершенно не могу писать тебе. Работаю до 4–5 часов утра ежедневно, спать приходится 3–4 часа. Устала до головокружений, а впереди предстоит ещё 1,5 месяца такой же работы...

Декабрь1942 г.

Душа болит от ежедневных утомительных забот о детях. Дети держатся только благодаря маминому умению кормить их с некоторым разнообразием и большой экономией. Ведь у нас совершенно нет крупы, а без каш прожить детям, особенно Ирочке, которая так любит их, очень трудно. Мука тоже на исходе. Вообще, с питанием очень неважно, даже сахар получать не удаётся...

Зима 1942 ст. Инская

...а с отоплением тоже ничего хорошего нет. До сих пор не могут привезти выписанного с таким трудом куба срезков — нет лошадей. Роднуша моя, я знаю, что м.б. надо терпеть и ждать, сидя на месте, но сил для терпения больше нет...

Зима 1942 г. ст. Инская

...Никак не могу привезти уголь и дрова, всё нет лошадей. В отношении плитки тоже неизвестно... В общем, от забот кружится голова, а толку мало... В отношении экономии жиров ты, конечно, прав, но учти, что дети имеют всего пол-литра молока в день и больше ничего. При всей экономии уже половина жиров съедена...

Зима 42 г. ст. Инская

...тот куб срезков, который я получила, приходит к концу, причём мы топим только плиту на кухне, чтобы приготовить пищу, т. к. спирали все перегорели. Печку ещё ни разу не топили и холод у нас адский. Я и Ирочка отчаянно кашляем. Я уже пробовала обращаться в НЖЧ с просьбой дать нам комнату с паровым отоплением, но кроме бездушного отношения и огорчения, ничего не добилась, несмотря на то, что сама нашла несколько освободившихся комнат и согласна на меньшую площадь...

1942 г. ст. Инская

Я всё упорнее думаю, что лучше нам быть вместе. Ирочка, не успею я войти в комнату, всё настойчивее спрашивает меня: «Мама, а де папа?». Она никак не может забыть тебя. Меня её вопрос страшно расстраивает и, глядя в её вопросительные широко раскрытые глазки, я не могу удержаться от слёз. Родной мой Котик, мне значительно легче, когда я выскажусь тебе, пиши и ты больше...

2.02.43 г. ст. Инская

Родной мой Котик!

Какое ужасное несчастье — смерть Шуры! Неужели нельзя было спасти? Ведь при крупозном воспалении лёгких такое чудесное действие оказывает сульфидин. И такая скоропостижная смерть в 3 дня. Как Шура вообще себя чувствовал в последнее время?

...Передай наше искреннее сочувствие Гене, Дусе и Павлу Ильичу. Мы с мамой совершенно подавлены этим известием. Тебе тоже очень тяжело, Котик, у тебя даже совершенно изменился голос. Я с ужасом думаю — что, если заболеешь ты, кто будет за тобой ухаживать.. Скорее надо нам быть вместе...

В общем, перспективы здесь печальные. Прости, Котик, что в такие печальные для тебя дни я огорчаю тебя своим нетерпением, но мне тоже очень тяжело. Единственная радость — вести с фронта, они не дают мне падать духом...

1943 г. ст. Инская

Возле дома нам выделили небольшой кусочек земли. Мы уже вскопали его. Думаем посадить кое-какие овощи и немного картофеля. Прошлое воскресенье весь день потратили на переборку и сушку картофеля... Отобрали мелкую и она у нас уже проросла — для посадки... осталось картошки всего 15 вёдер...

1943 г. ст. Инская

...Теперь нам дают землю под огород в 8 км от станции Искитим. Я не представляю себе, кто её будет обрабатывать, а не сажать картофель нельзя, надо думать о будущем. Если бы были вместе — могли бы купить корову и дети были бы обеспечены.

Эта разлука с тобой меня лишает мужества, у меня опускаются руки, когда я подумаю, что ещё долго не увижу тебя...

Галина Колобова

Колобова Галина Александровна — поэт, инженер. Родилась и выросла в Ленинграде. Любовь к поэзии привила мама — педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в семьлет. С 1980 года живет в Подмосковье, в г. Балашиха. В 2004 году в издательстве «Линор» вышла книга стихов «Год любви», в 2011 году — книга «Осенняя мозаика». Печаталась в газетах и журналах, таких, как «Родники», «Вокруг смеха»,

«Юность», «Голос Армении», «Витражи». Член Литературного объединения Центрального Дома учёных РАН.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Я — русская

Я — русская! И этим я горда! Мне это чувство предки передали. Они растили хлеб и воевали, В боях освобождая города.

Мне, уроженке Северной столицы, Клочок гнилых Синявинских болот, Где мама воевала медсестрицей, Важнее многих признанных высот.

Храню отцом завещанную ношу Из старых фотографий и наград. И корку хлеба никогда не брошу, Блокадный символ тех печальных дат.

Я — русская! Россия есть и будет, Живая и открытая для всех. Её ругают, обвиняют, судят, Она стоит уже который век.

И женщины защитников рожают, Благословляют их, когда беда, И от своих святынь не уезжают... Я — русская! И этим я горда!

Военное фото

Посвящается маме, Лине Звонковой, и её фронтовым подругам.

Военное фото, Девчонок — тринадцать, Шестая санрота, Всем где-то по двадцать. В косичках — тесёмки, И сжаты ладошки, На гимнастерках Медали — не брошки, Ремни и погоны. Ах, если бы платья Надеть из шифона, И любоваться, И в танце кружиться, Влюбляясь случайно... Но, только, — ВОЙНА! Русь воюет отчаянно. На Невском плацдарме Беснуются пули. Девчонки замерзли Совсем в карауле.

А утром опять В поле боя... Спасение? Их доля – спасать, Остальное — везение. Спасенные души — Их много на свете. Поклонимся низко Мы девочкам этим, Что смотрят открыто С военного фото. Тринадцать девчонок, Шестая сан.рота.

Я вернусь

Ленинграду посвящается

Я вернусь к тебе. Когда — не знаю. Но я обязательно вернусь! Я другая стала, понимаю, Но судить об этом не берусь.

Вот приеду утром, рано-рано, Надышусь я запахом реки, Окуну лицо в твои туманы, Что так неподвижны и легки. Прошлое возьмет себе тревоги, Долгую разлуку, бег времен, Я замру и каменные Боги Окружат меня со всех сторон.

Что они видали, эти Боги, Лик свой наклоняя над Невой. Как, едва передвигая ноги, Люди шли по скользкой мостовой, По ступеням к проруби сползая, Чтоб бидоном воду зачерпнуть, Удержать его, с трудом вставая, И суметь пройти обратный путь

Как же зябко от одной лишь мысли О годах тех, прожитых в беде, Люди из такого ада вышли, Как смогли и научились где? Знать, Петра Великого решенье — Крепость на болотах возвести — В памяти хранилось поколений, Помогало город свой спасти

Связь времён, конечно, эфемерна. Скоро все исчезнут старики, Пушкин защищавшие и Стрельну, Выжившие чудом на пайки. Но когда январь зовёт в дорогу, И на Пискаревке скорбный звон, Я вернусь! И каменные Боги Обоймут меня со всех сторон.

50

Людмила Колодяжная

Колодяжная Людмила Ивановна — поэт, кандидат филологических наук, член Союза литераторов России, член Союза писателей XXI века, руководитель Литературного объединения Центрального Дома ученых РАН, автор более 30 книг стихотворений (в том числе детских — «Стихи-крошки маленького Алешки», 2011–2015 гг., азбуки в стихах «Ступенька в небеса», 2016 г., опубликованных в издательстве «Московская

Патриархия»). Многие произведения опубликованы как в периодической печати, так и в сети Интернет. На стихи Людмилы Колодяжной написано около 400 песен. Книги, песни, концерты можно посмотреть на авторской странице сайта Литературного объединения ЦДУ РАН: ЛИТО на Пречистенке.

РУССКИЕ СВЯТЫЕ ВОИНЫ

Из Слова о полку Игореве

Жалобный — женами путь освоен, Если б воины пенью вняли, Раны б твои я омыла, воин, Серебрян рукав омочив в Каяле, Или иной, крещенской водице, Чей ледок убелен, припорошен, На тот Дунай-Иордань — зегзицей, Где грех прощает Предтеча Божий... Плач возлетает, как птица-голубь, Плач, начатый в Путивле, утром, Там, где светла глубью-далью прорубь, Над тем ледком, что снежком припудрен,

51

Над крещенскою Иорданью Покаяньем путь осчастливлен, Плачем-даром и плачем-данью. Данью, собранною в Путивле.

Святые князья Борис и Глеб

Ты был отроком... Вспомнишь разве, когда ты скопировал ту икону —

на райских конях едут два князя, в красном кафтане, в кафтане зеленом —

цвета юности, цвета выси, цвета — убитых невинно, нелепо,

плащ, иль риза? — на князе Борисе, риза, иль плащ? — на князе Глебе.

Едут — ставшие вмиг святыми, светятся фреской на стенах вечных —

брат убиенный на речке Смядыни, брат убиенный на Альте-речке.

Страстотерпцы, первые вехи — их на узких дорогах ставили,

видно ангелы, видно навеки, против Каинов — русских Авелей...

Пред иконой святого Александра Невского (в схиме)

До какой восходить нам черты? — кто предскажет, какая Кассандра... Но в тебе проступают черты князя, Невского Александра...

Пред иконой стою вновь и вновь, сквозь века повторяется сходство, пробивается древняя кровь — кровь святых... Признаю превосходство.

Предуказан тебе, в высь — крутой путь смирения, трудный, как подвиг, в непрестанной молитве святой ты стоишь, забывая про отдых.

Маргарита Новикова

Новикова Маргарита Георгиевна — член ЛИТО Дома учёных РАН с 2014 года. Закончила МГПИИЯ имени Мориса Тореза. Преподавала в РГГУ и в МГУ имени Ломоносова. Участник коллективных сборников и альманахов ЛИТО Дома учёных, «Истоки», «Образ и Мысль», «Царское Село». Автор сборника стихов «Тайный Сад».

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ посвящение Булату Окуджаве

Был месяц май

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала! Б. Окуджава

Был месяц май, сады цвели. И вишни, как невесты в белом, С фаты роняли лепестки. Их ветер целовал несмело.

Салютом в первый раз гроза Над мирною землей гремела. Светились радостью глаза, О скорой встрече сердце пело.

И эшелоны на восток Везли солдат к родным перронам. В руках у девушки платок — Махала долго вслед вагонам.

Был месяц май, разгар весны. Невесты-вдовы в нежно-белом. Все ждали женихов с войны, Шагнувших в небо в сорок первом.

Весна на Арбате

Ах, Арбат, мой Арбат, Ты — мое призвание! Б. Окуджава

Читают юноши стихи У памятника на Арбате. Их неокрепшие баски Пока что не зовут набатом.

Для них эстрада — пятачок, Покрытый тротуарной плиткой. И пробуют свой голосок Поэты с робкою улыбкой.

Гуляет праздная толпа. Вдруг светом озарились лица. Какие тронули слова? Прислушаться, остановиться.

И дум властитель — Политех. И времена ТЕ вспоминались: Поэт был больше, чем поэт, И стадионы им внимали.

56

Из переулка ветерок Дохнул сиреневой волною. Благословлял здесь живший Блок Ребят невидимой рукою.

Взрывая дерзко тишину, Стихи звучали над Арбатом. Встречали новую весну Как лучший памятник Булату.

Борис Ольхов

Ольхов Борис Осипович. Окончил МЭИ, кандидат технических наук, автор четырёх поэтических сборников. Публиковался в альманахах ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, «Муза», «Антология лирической поэзии», «Мужи и музы».

Садовое кольцо. Лето 44-го

Они напали на мою страну, Мечтали захватить мою столицу. В расцвеченном знамёнами строю По ней пройти мечтали гансы, фрицы.

И вот они в Москве. Сбылась мечта? В Москве, служившей их заветной целью, Они бредут, как стадо. И молчат. Бойцы конвоя — вдоль колонны цепью.

Они идут, понуро опустив Бесцветные затравленные лица. Весёлого «Хорст Весселя» мотив Теперь не прозвучит для гансов, фрицев!

Вдоль улиц — сотни, толпы москвичей. А в первый ряд толкают ребятишек: «Глядите на кровавых палачей! Уже победа близко! Немцам — крышка!».

57

Прошаркала колонна, а за ней По следу — поливальные машины, Чтоб вытравить их след, как травят вшей, Как сор метлой метут из нор мышиных.

Я помню, будто было всё вчера: Вели фашистов пленных по садовой. Смотрели молча. А в душе: «Ура! Конец пришёл затее их бредовой!».

Потом штандарты вражеских полков Швыряли у подножья Мавзолея. А гордый стяг страны большевиков Витал, над Красной площадью алея.

Фильм по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»

Ещё хранящая тепло ушедших в бой землянка. Ещё в печурке теплятся уголья и огонь. Натянут провод. Сохнут чьи-то серые портянки. От них исходит то ли свежесть, то ли вонь

В углу — топчан, небрежно застланный соломой. Её прикрыла наспех плащ-палатка. А на ней Как этой жуткой жизни искалеченной обломки — Тела сплетённых в жаркое объятье двух людей.

Они решили в эту чуть затихшую минуту Уйти от фронтового злого ужаса в любовь. Они не знали в этой узкой, смрадной, тёмной мути Землянки, доведётся ли им повстречаться вновь. Но не пришлось загадывать о следующей встрече. Вспахал землянку бешено крутящийся фугас. Они горели заживо в последний в жизни вечер. И прежде, чем их разум окончательно угас,

Была она единственной убийственно простою Мысль общая, пришедшая на ум обоим им: «Как хорошо, что он не увидал меня такою», «Как хорошо — она меня не видела таким».

Два рога серебрящегося в чёрном небе месяца Увидели лишь крошево костей в кровавом месиве.

Вера Павлова

Павлова Вера Алексеевна родилась в городе Днепропетровске. В 1959 году окончила радиофизический факультет Харьковского государственного университета. Работала инженером, затем старшим инженером в ОКБ, занимаясь разработкой радиолокационных систем. Большую часть жизни посвятила преподавательской работе. Преподавала в вузах Москвы (МИРЭА, ВЗИИТ, МАТИ) электронику и ми-

кроэлектронику. Доцент, кандидат технических наук. Стихи и прозу начала писать в зрелом возрасте. Печаталась в коллективных поэтических сборниках «Третье дыхание», «Пересечение слов и судеб», «Славянские встречи», «Вместе — к Победе», в сборниках ЛИТО ЦДУ РАН, в газете «Московский литератор». Имеет музыкальное образование, более 20 лет занимается благотворительной концертной деятельностью.

Божественное провидение

Но, тайным помыслом храним... А. Пушкин

Война! Ребёнок и война — совершенно несовместимые понятия. Ребёнок — начало жизни, торжество жизни. Война — в любой момент конец жизни. Эти два слова, два понятия никогда не должны встречаться вместе. Их сочетание противоестественно.

Вот случай из детских воспоминаний моего мужа.

Идёт Великая Отечественная война. В Донбассе, в городе Кадиевка, каждый день бомбёжки. Люди боятся оставаться в домах, не знают куда бежать, где спрятаться от бомб. Пятилетний Володя с матерью собирают свой небогатый скарб, и скорее, скорее из дома. Фашисты стараются сбросить бомбы на дома. Надо бежать. Погрузили на повозку то, что мало-мальски ценное, и потащили её к огромной яме. Благо, она была недалеко от дома. Эта яма появилась недавно, когда фашисты ожесточённо бомбили смолоперегонный завод — один из крупнейших заводов Донбасса.

Яма была заполнена людьми. В основном, женщинами с детьми и стариками. Люди прижимались к стенке ямы, пытаясь, как бы врасти в землю. Все места у стенки были заняты. Только центр оставался пустым. Пришлось спускаться и размещаться в центре ямы.

Сидели долго. Дети плакали. Старики крестились и усердно молились Богу. Хоть бы бомба не угодила в эту яму. Володе хотелось плакать. Нет, плакать нельзя. Папа на фронте. Мама говорила, что ему там ещё труднее. Узнает, что плакал, скажет:

- Плакса ты, Володька. Я тебе что поручал? Мать оберегать. А ты, плакать!
- Нет, плакать не буду, подумал Володя. Папа нас обязательно защитит. Надо только подождать немного.

И вдруг тихо. Как тихо! Все сидящие в яме затаили дыхание. Даже дети перестали всхлипывать. Тишина...

- Володя, кажется, бомбёжка закончилась.
- Нет, мама, это у них перерыв.

В яме началось небольшое движение. Сидеть в ней нет никаких сил. Самые смелые стали выбираться из ямы. У стенки освободилось место.

- Мама, давай перейдём на это место.
- А, может, давай выбираться отсюда? Поедем домой. Устроим пир горой. У нас остался кусочек хлеба и очистки от свёклы. Так что мы ещё живём!
  - Нет, давай перевезём тележку к стене и ещё немного посидим.
  - Давай.

И вдруг за несколько секунд мир как будто перевернулся: неимоверной силы рёв моторов самолётов, пронзительный свист пуль, грохот такой, что уши заложило. И, о, ужас! Прямо в середину ямы, где мы только что сидели, падает искорёженный кусок рельса.

Бомба упала на железнодорожные пути, проходящие недалеко от ямы. Взрыв был такой силы, что земля и рельсы взметнулись к небу и с грохотом упали прямо в середину ямы.

Какие-то секунды решают всё. И не было бы у меня любимого мужа Володи, а значит и любимого сына Алексея.

Но, Бог миловал.

Всё это происходило на Украине, в Донбассе, более 75-ти лет назад. Невероятно, что там же, но уже в наши дни, опять гибнут мирные люди.

Господи, спаси их и сохрани.

Спасибо, осталась жива

Детские воспоминания, детские воспоминания... И радостные и горестные. Они остаются с нами на всю оставшуюся жизнь.

Перед самой войной купили мне огромную куклу.

Ну, зачем они купили мне эту большущую куклу. Эти взрослые ничего не понимают в жизни. Мне так хотелось маленькую резиновую куколку с дырочкой на спине. Такую куклу можно было купать, а из дырочки на спине выливалась вода. Эта кукла мне снилась каждую ночь. А взрослые говорили:

— Все магазины обошли, не нашли такую куклу.

А купили такую, которую и купать-то нельзя. Так и будет всю жизнь чумазая ходить.

Если честно — кукла очень красивая. С большими голубыми-голубыми глазами, как небо в ясный день, с золотистыми, волнистыми волосами ниже плеч. Красивая необыкновенно. Но мне-то хотелось ту, резиновую. Напрасно они купили мне эту куклу.

Но оказалось, что не напрасно...

Война! Великая Отечественная. Что может быть страшнее войны? А нам не страшно было. Мы же смелые и наблюдательные! Ходили в поле кукурузу собирать. И взрослые были с нами. И вдруг такой гул! Видим, самолёты летят, и так низко-низко над землёй, почти крылом касаются верхушек кукурузы. Взрослые кричат нам:

— Прячьтесь! Фашисты.

А куда в поле спрячешься? Мы согнулись, голову вниз опустили, а остальное всё наверху. Но всё-таки я заметила фашиста. Такой рыжий, рыжий. И улыбается, а сам из пулемёта строчит. А Вовка видел чёрного, страшного фашиста, как Бармалей. А взрослые ничего не заметили, только до смерти перепугались за нас.

Когда мы вернулись с поля с кукурузой, услышали какое-то странное новое слово — «эвакуация». Все говорили:

— Эвакуация, эвакуация, эвакуация в Сибирь.

Хорошо, что в этом слове нет буквы «р», которую я не умела выговаривать, и можно его повторять и повторять без проблем.

А что это такое — эвакуация — не понятно.

Понятно стало, когда нас погрузили в товарные вагоны, которые называли теплушками, и повезли на Восток.

Теплушка представляла собой деревянный вагон. Такой вагон, в котором перевозили скот или какие-нибудь товары. Двери в вагон

большие-пребольшие, как ворота, которые открываются не вовнутрь или наружу, а выдвигаются сбоку. Чтобы открыть их или закрыть, надо было приложить большущие усилия. И это могли сделать только взрослые. Закрывали двери на огромный железный засов с таким лязгом, что потом долго звенело в ушах.

В вагоне располагались большущие нары в два этажа. На нарах ночью спали по́катом. Одна семья, другая... Вагон был забит людьми до отказа.

В теплушке, почти в середине вагона, но всё-таки ближе к входу, стояла железная круглая печка, которую топили так, что она раскалялась докрасна. Топили углём.

Днём мы, дети, сидели на нарах и все жались ближе к печке. Всётаки теплее.

В тот день я сидела прямо напротив печки. Поезд стоял. Он давно стоял. Мы уже привыкли, что он больше стоит, чем едет. Наши вагоны то ставили на запасной путь, где они сиротливо стояли в тупике, то подцепляли к одному или другому составу. И мы медленно, но верно продвигались на Восток. На этот раз мы мирно стояли на запасном пути.

Я держала перед собой свою огромную, теперь уже любимую куклу, обняв её за талию правой рукой.

Секунда, ещё секунда благостного состояния. И... Огромной силы удар, лязг металла — подцепили к составу вагон. И я со всего маху лечу на раскалённую плиту...

Память. Абсолютно чистый лист. Ни страха, ни ужаса, ни боли... Наверное, всё это было. Но в памяти ничего не осталось. Осталось наяву. На правой руке чуть выше запястья обожженная кожа.

Позже взрослые успокаивали:

— Ничего, до свадьбы всё заживёт.

След от войны остался и до свадьбы, и после свадьбы, и в сорок, и в пятьдесят, и в шестьдесят, и в семьдесят лет.

И лишь в семьдесят пять лет я вдруг с изумлением заметила, что следа от ожога на руке уже нет.

Изредка со страхом думаю о том, что могло бы случиться, не будь у меня в руках в тот роковой час моей куклы-спасительницы, которая сама сгорела, а меня спасла.

Людмила Плиско

Плиско Людмила Фёдоровна — кандидат химических наук, преподаватель Московского Медицинского Университета, член ЛИТО Центрального Дома Учёных РАН с 1997 года. Её научные интересы — область биофизики, её увлечения — путешествия по миру. Её стихи — это её представления о мире, о жизни, о себе. Опубликовано несколько сборников стихов и хроники семьи. Людмила Плиско — член Союза писате-

лей России. Имеет литературные награды.

Овойне

1. Заокский лес — еловая краса, Приют бобров, волков и барсука.

Пора жары и ягод, и стогов. Но слышен стук фашистских сапогов.

В крестьянском доме пять сестренок в ряд На мать с младенцем в десять глаз глядят.

А мать завязывает в узелки, Кладет туда хлеб, сало, леденцы,

И каждой девочке до согнутой руки Привешивает эти узелки.

2

А враг все сыплет трассами с небес, Шагает по полям, к селу, где рядом лес. — Бегите, девочки, бегите прямо в лес.

Пять узелков, у каждой — на руке, И пять благословений в узелке.

Чтоб первый страх не сразу так сразил, Чтоб хлебушек от мамы защитил.

3.

Всего три дня — враг от села отбит. И сестры-девочки в свой дом вернулись.

Но подбородочек дрожит И в глазках слезы навернулись.

О, боже, как же удержать ту стойкость, Что пришлось изведать.

А маме всех к себе прижать И успокоить, и приветить.

4.

Отец на фронте был убит, представлен был к награде. Мама в колхозе, бригадир, там в полевой бригаде.

А ночью платья шьет — нет, не себе. Да, надо жить наперекор судьбе.

- Ах, мама! Ты спала ли ночью?
- Да, два часа. Какой теперь уж сон. Бригаду надо выводить на склон.

Сегодня там трава как раз уж для покоса.

5.

Так и сестер растила и учила, И в руки всем профессию вложила, А по ночам всё шили, шила, шила.

Портные и отец, и дед, Росло уменье много лет.

6.

Вот виден правнуков росточек стройный. Село Светицкое... Кто ж может в нем быть неучем и недостойным.

Стихотворение написано по воспоминаниям Александры Ивановны Сидоровой, 1937 года рождения, жительницы села Светицкое, в детстве пережившей с четырьмя сёстрами военное лихолетье. Её старшей сестре в начале войны было 11 лет.

Нина Познякова

Познякова Нина Тимофеевна окончила МГПИ иностранных языков, работала преподавателем, переводчиком. Пишет стихи, рассказы, повести. С 2011 года является членом Литературного объединения Центрального Дома учёных РАН. Произведения публиковались в альманахах ЛИТО за 2012–2019 годы. В 2014 году вышла первая книга Н.Т. Позняковой — лирическая комедия «Кумир», в 2017 году —

книга стихов и рассказов «Осеннее солнце». Нина Познякова — член Союза писателей XXI века.

Зелёная трава

Когда струится так легко и невесомо Метели снежной кружевная канитель, Мне часто снится та трава, трава у дома, Что прорастает, лишь придет апрель.

Была трава упругой, непримятой, Когда, припомни, той победною весной По ней прошли усталые солдаты, Пришедшие живыми в край родной.

А помнишь, из московских коммуналок Мы, дети, пережившие войну, Заморыши, чей вид был, вправду, жалок, В деревню приезжали отдохнуть.

Чтоб воздухом целебным надышаться, Парным напиться вволю молоком, В речушке мелкой вдоволь наплескаться И по траве побегать босиком.

Как наша сторона была красива! От пряных трав кружилась голова, Нам теплая земля давала силы, Дарила ласку нам зелёная трава.

Но с детством уж давно пришлось проститься, Нас уносили самолеты, поезда... Бывая в разных странах, за границей, К родным местам спешили мы всегда.

Просторы Родины, поля, леса, равнины, В осеннем небе — журавлей полёт... Увижу у дороги куст рябины — Забьется сердце и на миг замрёт.

Вот та земля, где нам дано родиться, Вот то, что дорого и чем душа жива... Вновь снежною зимой мне лето снится И та зелёная, зелёная трава.

Русская женщина

Шли светлые, славой увенчаны, Дни победной весны. В глухой деревеньке русская женщина Сына ждала с войны.

Святая молитва ее материнская Была с ним на передовой. «Вот пала последняя крепость берлинская, Мой сын вернётся домой!»

Но лето проходит, хлеба уж созрели, Вернулись и зять, и сосед, А время летит — за неделей неделя— Нет сына, и писем нет.

Однажды под вечер в окно постучали, Конверт почтальон передал. Слова будто камнем на сердце упали: «Без вести сын ваш пропал».

«Скажи, почтальон, что слова эти значат, Ведь ты же сам воевал, Не жив, не погиб, как быть может иначе, Чтоб человек — пропал»?

«Он в плен мог попасть, попасть в окруженье, Тяжелые шли бои... А, может, был ранен, и после сраженья Его не нашли свои.

Ты жди его, мать, это ж не похоронка, Надейся, что он живой, Да Богу молись, — добавил негромко, — Вернется Иван домой».

Что дальше... В колхозе, как все, трудилась, В поле — за трудодни, Зимой — холода, и печка топилась, Короткие, хмурые дни.

И каждый вечер перед иконами Клонилась седой головой, О здравии сына все клала поклоны, Не смела — за упокой.

Вот так и жила, с печалью повенчана, В глухом уголке страны. Всю долгую жизнь эта русская женщина Сына ждала с войны.

Посылка на фронт

Моя тетя Буданова Валентина Федоровна, сестра моей мамы, родилась в глухой деревне Калининской (теперь Тверской) области. В семье было семеро детей: старший брат Иван и шесть сестер, Валентина — младшая.

Года за два до войны брат Иван — в то время он уже жил в Москве, был женат и работал мастером на хлебозаводе — решил взять Валентину в столицу, чтобы пристроить ее к какой-нибудь профессии и помочь с образованием: по его мнению, трех классов сельской школы для девушки было явно недостаточно.

Мать крепилась, не плакала, провожая младшую дочку, дала ей с собой неплохое приданное: новый овчинный полушубок, пуховый платок, крепкие валенки с галошами. Было тут и льняное постельное бельё, льняные полотенца, пара платьев, тёплая кофта из тонкой овечьей пряжи, да несколько хороших мотков шерстяных ниток — на запас, на всякий случай.

Жизнь в Москве показалась Валентине праздником. Она не пошла на хлебозавод, под крыло к старшему брату, а устроилась на работу в швейную артель: шить на машинке она научилась еще в деревне, а в будущем мечтала стать хорошей портнихой.

Валентина быстро приметила, как одеваются женщины в Москве. Вместе со снохой они съездили на Тишинский рынок, за хорошую цену продали там полушубок и на эти деньги купили для Валентины добротное пальтецо на ватине, с каракулевым воротником и сапожки на байковой подкладке. Денег хватило и на отрез крепдешина, из которого сноха пообещала к лету сшить для Валентины модное платье.

Брат записал Валентину в кружок по ликвидации неграмотности, работавший в клубе при хлебозаводе, туда же она ходила на курсы кройки и шитья, а по выходным — на танцы. Парни уже стали обращать внимание на кудрявую голубоглазую девушку, веселую плясунью, но ей никто из них не нравился: почти все они были курящие, пьющие, курносые, ни один даже отдаленно не походил на ее кумира — артиста Николая Крючкова.

И вдруг — война. Жизнь круто переменилась. Ушли на фронт все парни, все мужчины, призвали в армию старшего брата Ивана, сноха с маленьким сыном уехала к родне за Урал, и Валентина осталась одна. Возвращаться в деревню было опасно: немцы приближались к Москве.

Швейную артель перевели на пошив солдатской одежды — исподнего белья: куда же без него? Увеличили продолжительность рабочих смен, повысили нормы. Рубахи и кальсоны, кальсоны и рубахи, и так изо дня в день, из месяца в месяц, без отдыха, без отпусков. Но девушки и женщины не жаловались, знали, что без их изделий солдатам на фронте не обойтись.

Что еще могли сделать работницы тыла для тех, кто вел суровый бой с врагом? В артели было решено поддержать почин «Посылка для бойца». Руководство раздобыло где-то адрес полевой почты одного из воинских подразделений, предложило каждой из работниц написать письмо неизвестному солдату и приложить к нему какую-нибудь нужную вещь, изготовленную своими руками, к примеру — шарф или кисет для махорки.

Валентина вспомнила о мотках пряжи, привезенных из деревни, и решила связать для неизвестного бойца теплые носки: она хорошо умела вязать, мать научила своих дочерей всем видам полезного рукоделия. Она не пожалела пряжи и вдобавок к носкам связала еще и варежки, двойные, очень теплые. На листке клетчатой бумаги из тетрадки она написала слова привета незнакомому солдату, добавила несколько слов о себе и четко вывела свой московский адрес, предложив бойцу ответить, понравились ли ему подарки. И вот ее посылка, запакованная в плотную бумагу и крепко заклеенная, отправилась вместе с другими посылками на фронт.

Валентина долго ждала ответа, уже перестала надеяться, но вот в канун нового, 1943 года в почтовом ящике забелел треугольник солдатского письма. Ей писал танкист, рядовой Павел Борисов. Он благодарил Валентину за носки и варежки, они пришлись ему впору, удивлялся мастерству, с каким они были связаны. Павел был признателен и за добрые слова и просил писать ему на полевую почту.

Так началась их переписка, в ходе которой они понемногу узнавали друг друга. Оказалось, что Павел был простым деревенским пареньком из Горьковской области. Дома у него остались мать, отец и младший брат. Позже Павел и Валентина обменялись фотографиями и, будто бы увидевшись, еще больше понравились друг другу, стали еще ближе.

Переписка с Павлом стала частью жизни Валентины. Она писала ему два — три раза в неделю, он — реже, но регулярно. Однако внезапно письма перестали приходить. Валентина боялась думать о плохом, ждала, иногда плакала. Так прошли два долгих месяца,

но вот в почтовом ящике вновь появился долгожданный треугольник письма. Павел писал из госпиталя. Оказывается, его часть попала под обстрел вражеской артиллерии, они с напарником с трудом выбрались из загоревшегося танка, получили серьезные ожоги и осколочные ранения. «Все позади, мы с другом живы, поправляемся, скоро — опять на фронт», — писал Павел. — «Плохо другое: в огне сгорели замечательные варежки, твой подарок, которым я так дорожил. Но они помогли мне выбраться из пекла, без них мои руки обгорели бы еще сильнее».

Читая письмо, Валентина не могла сдержать слез радости. Он жив, ее Павел, это главное, а варежки... Она сразу же написала ответ, в котором были самые добрые, самые нежные слова: о том, что она будет ждать Павла с фронта, будет встречать его в Москве и, если он захочет, свяжет ему носки и варежки еще теплее и краше прежних.

Они встретились после Победы, летом 1945 года, и больше не расставались. Это была красивая, дружная пара, к сожалению — бездетная. Павел Яковлевич Борисов умер 22 июня 1991 года, в день 50-летней годовщины начала Великой Отечественной войны. Валентина Федоровна намного пережила его.

Галина Поляк

Поляк Галина Андреевна. Образование высшее техническое, ведущий инженер-конструктор концерна ВКО «Алмаз-Антей». Публиковалась в альманахе ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, в сборнике стихов «Поэты концерна воздушно-космической обороны "Алмаз-Антей"».

Священная война

Пролетают годы. Мы стареем. Стерлась чьих-то жизней колея. Кто же об отце моем, Андрее, Скажет слово, ежели не я?

Война! Каждый верил в победу. Прервал чьи-то жизни свинец. Шла смерть за солдатами следом. Командовал взводом отец.

Мальчишка! В свои девятнадцать Он стал офицером, бойцом Затем, чтоб за Родину драться. Я вправе гордиться отцом!

Не знала я деда-героя. И он не увидел внучат. На кладбищах города строем Теперь обелиски стоят. По судьбам война прокатилась. Оставила вдов и сирот. А сколько детей не родилось... Но в мае, в тот памятный год

Салютами пушки стреляли. И матери павших бойцов Чужих сыновей обнимали! Чужих обнимали отцов!

Василий Поляков

Поляков Василий Евгеньевич родился в г. Москве 4 июля 1938 года. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, академик Международной Академии информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Принят в Московскую организацию Союза писателей России в 2011 году. Автор 8 книг: «Книга о врачах и причастных к медицине» (2006), книга стихов «Груст-

ное и смешное» (2006), роман «Вирсавия (Роман Алексея Стрелкина)» (2007, 2009–2010, 2014), книга новелл «Розы обязательно зацветут» (2007–2008), книга очерков «Молочный поросёнок под хреном» (2009), автобиографические записки «Рябина на коньяке» (2014), книги «Хрупкое счастье» (2016) и «Персоналии» (2016).

Кусок хлеба пленному немцу

Эшелон, отправленный из Узбекистана в Янгиюле, до Москвы шёл 9 суток. Мы вернулись в столицу из эвакуации 23 октября 1943 года. Наконец мы оказались в своих двух смежных комнатах коммунальной квартиры, в которой тогда проживали 6 семейств.

Напротив окна нашей второй комнаты размещалась большая гора земли — той самой, которая была вынута для строительства фундамента нашего дома в Кривогрузинском переулке ещё в 1904 году. На её плоской вершине был сооружён деревянный забор, отделявший от проезжей части переулка территорию Института профессиональных заболеваний и мужской средней школы.

Во время Великой Отечественной войны и в институте профзаболеваний, и в мужской средней школе были размещены госпитали хирургического профиля. Поскольку из нашего окна был виден весь двор бывшей школы, мы часто наблюдали, как у ступенек подъездов останавливались большие автобусы, имевшие на боку белые круги с красным крестом. Заднюю торцевую дверцу санитары движением на себя и вверх открывали и аккуратно вынимали из чрева автобуса носилки с получившими ранение военнослужащими. У многих были перевязаны бинтами головы, руки, ноги, у некоторых на руках и на ногах были наложены шины, у отдельных в руках были костыли. У некоторых раненых бинты были испачканы свежей алой кровью. Как правило, шапки-ушанки у них были с опущенными на уши боковинами, воротники шинелей поднятыми, а сами они были напряжены и как-то собраны в единый комок из тела и конечностей. От кровопотери и болевых ощущений у раненых часто развивается шок, одним из проявлений которого является быстрое охлаждение тела, зябкость, замерзание, поэтому нужно особенно следить, чтобы раненые были достаточно хорошо утеплены и согреты. Но это я узнал уже на военной кафедре медицинского института. Когда нам это рассказывали, перед мысленным взором всплывали виденные картины военных лет. Как же прочно память фиксирует опыт детских лет! А для объяснения и понимания виденного даже в детстве нужны глубокие знания и постоянные размышления.

Здание института профзаболеваний было выстроено из кирпича и скорее походило на своеобразный дворец. Архитектура его была оригинальна и неповторима. Похожего на него здания я в Москве не видел.

Большие окна института либо были закрыты на три четверти занавесками, за которыми угадывались большие, высокие и просторные помещения, либо освещались сверху огромными округлыми светильниками, которые то меняли угол наклона, то перемещались вправо и влево. Иногда свет в окнах не гас в течение всей ночи. Вероятно, за ними размещалась операционная, и работы хирургам хватало в избытке.

Весной 1944 года в парке культуры и отдыха имени Максима Горького мы побывали с мамой на выставке сбитых немецких самолётов. Их выставили в три ряда на набережной Москвы-реки. Самолёты немцев отличались от наших каким-то ярко выраженным техническим дизайном, как до недавнего времени отличались от наших автомобилей машины зарубежных марок. Всё техническое управление самолётом было очень продуманно и сделано прямо-таки под руки пилотов. А тогда, рассматривая эти технические новинки, на ум невольно приходила мысль: «Какой же смелостью и технически отточенным мастерством нужно было обладать нашим лётчикам, чтобы вступать в воздушный бой с немецкими асами и уметь побеждать их?»

С весны этого же года в нашем переулке появились пленные немцы. Одна их большая партия располагалась в начале переулка. Их использовали на строительстве большого дома по улице Чкалова (теперь Земляному валу). Дом был заложен ещё до войны, но успели построить всего два этажа.

Могу засвидетельствовать, что к пленным немцам наши военные власти относились терпимо, гуманно, не подгоняли в работе и хорошо кормили. Например, в обед даже рядовой состав получал полный солдатский бачок щей на мясном бульоне с обязательным куском мяса в них, на второе в миску из походной кухни на колёсах накладывали картофельное пюре с двумя котлетами и мясной подливой, на третье полагался полный гранёный стакан компота из сухофруктов. Немцы работали в замедленном темпе, не перегружаясь.

С весны, как только зазеленели кустарники и деревья, жизнь во дворе института профзаболеваний оживилась. У торцевой стены института стали часто собираться группы выздоравливающих раненых. Они были в пижамах, с костылями и палочками. Их собиралось не более десяти-пятнадцати человек. Кто-то играл на гитаре, кто-то на гармошке, отдельные четвёрки, держа в руках фанерку, играли в домино, «забивали козла». Выздоравливающие были весёлыми, рассказывали друг другу какие-то смешные истории, сопровождавшиеся взрывами хохота. Иногда они внимательно слушали хорошего солиста, иногда пели хором. Было интересно наблюдать, как мужчины подтягивались и становились заботливыми и внимательными, когда на прогулку выходили и женщины. Их было мало, не более трёх. Особенно импозантна и хороша была одна из них — высокая стройная блондинка с пышной, хорошо уложенной причёской. Она держалась просто и с достоинством. И хотя её костюмом тоже была пижама, но казалось, что она приехала на бал в роскошном выходном платье. Каждый из мужчин стремился оказать ей внимание — кто-то дарил конфетку, кто-то полевой цветок, а кто-то пел для неё хорошую лирическую песню или романс. Женщина с достоинством принимала нехитрые подарки, искренне радовалась им, благодарила и улыбалась очень доброй, светлой улыбкой. И ещё она умела очень вовремя уйти, оставив за собой шлейф очарования.

Вторым очагом размещения в нашем переулке пленных немцев стала мужская школа, в которой размещался военный госпиталь. Его закрыли, перевели в другое место, а пленных немцев заставили

ремонтировать здание, чтобы снова вселить в него среднюю школу. Вокруг школы был поставлен забор из колючей проволоки.

В один из дней мы с братом Володей возвращались домой из булочной, располагавшейся на углу улицы Обуха (теперь Воронцово поле) и Яузского бульвара. Мы только что «отоварились» хлебом по карточкам. Недалеко от нашего дома мы увидели за проволокой пленного немца, который держал в руках деревянную палочку толщиной с толстый карандаш, на вершине которой под ветром крутился четырёхлопастный пропеллер, сделанный из консервной банки. Когда мы поравнялись с немцем, он затравленно заулыбался, выставил из-за проволоки свою худую руку с игрушкой и просительным тоном произнёс: «Хлеб, о, пожалуйста, хлеб!».

Мы прибежали к маме и рассказали об этом. Наша мама ничего не ответила. Она молча взяла у нас принесённую буханку чёрного душистого хлеба, положила её на деревянную доску и большим острым ножом отрезала от неё краюху грамм на триста.

Мы побежали к немцу, отдали ему хлеб и получили игрушку. Нужно было видеть, как немец обрадовался и как он заулыбался в ответ на отданный ему детьми кусок хлеба.

Я почему-то уверен, что после освобождения и отъезда в Германию, он не забыл этот эпизод.

Вот так поступают русские. Побеждённого врага не добивают. А даже жалеют и могут поделиться последним куском хлеба.

Людмила Саницкая

Саницкая Людмила Николаевна — автор девяти поэтических сборников и четырёх книг мемуарной прозы («Вверх по ручью», «Остров Открытой книги (Переделкино)», «Очертания», «Нас возвышающий обман...»). Стихи публиковались в журналах «Юность», «Простор», международных альманахах «Муза», «Золотое руно», «Зарубежные задворки» (Германия), альманахах «Московский год по-

эзии» «У Никитских ворот», «Академия поэзии», «Новые Витражи», в «Литературной газете». Член Союза писателей России, Союза писателей 21 века, Союза писателей Москвы, «ЛИТО на Пречистенке» Дома учёных РАН. Имеет литературные награды. Живёт и работает в Москве.

22 июня

Прозрачная речка в зелёных ладонях осоки. Мерцанье и трепет, и блеск молчаливых стрекоз. Плывущее небо огромно, светло и высоко. И смерть невозможна, и нет ни обиды, ни слёз.

Ромашковый луг нас с тобой укрывает по пояс. Июньскому полдню сегодня не видно конца. Но где-то вдали закричал прибывающий поезд, В котором на фронт навсегда мы проводим отца.

Мария Скавронская

Скавронская Мария Эммануиловна родилась в городе Рыбинске. Окончила Институт культуры по профессии библиограф. Подборки её стихов публиковались в советских изданиях и за рубежом. Член Союза писателей России. В 2003 году выпустила сборник стихов «Жаворонок». В 2017 году вышла её книга «Перстень Пушкина», в 2018 — книга «Синие дали», обе они стали дипломантами литературного конкурса «Лучшая книга»

Московской городской организации Союза писателей России. Является членом Литературного объединения при Доме учёных РАН.

Хлеб наш насущный

Смотрю словарь русского языка С.И. Ожегова. «Хлеб — пищевой продукт, выпекаемый из муки». Просто и коротко. Но для меня хлеб — намного больше. Это огромное понятие, целая жизнь. Запах свежеиспеченного хлеба несет в себе добро, чувство дома, тепло маминых ласковых рук. Из далекого детства слышу ее слова: «Бери хлебушек, кушай с хлебушком». Так ласково на Руси всегда называли хлеб. И обращались к Господу с каждодневной молитвой: «хлеб наш насущный даждь нас днесь».

Идет война. Она застала нас с мамой в Малоярославце. Сто двадцать километров от Москвы. Снимаем клетушку у хозяев в небольшом доме. Хозяева простые, хорошие люди. Мама работает в железнодорожной поликлинике, она фельдшер. Малоярославец — крупный железнодорожный узел, через который все время идут эшелоны: с войсками на фронт, а обратно с ранеными. Я четырехлетняя девочка. Мало понимаю, что происходит. Но я вижу войну. Именно вижу своим детским взглядом. И слышу. Вой сирены, гудки ревущих паровозов, звук репродуктора, моторы пролетающих немецких бомбардировщиков. Раньше эти самолеты летели мимо нас — на Москву. Но в этот день немецкий самолет сбросил фугас, целясь в железнодорожное депо. Но бомба попала в палатку, где продавали хлеб, и в это время стояла большая очередь. Мы с мамой как раз шли туда

за хлебом. Вижу, как бегут обезумевшие люди, и в руках у них куски хлеба, пропитанные кровью. Мама закрыла мне глаза, но эта картина осталась навсегда в моей памяти. Хлеб наш насущный.

В город пришли немцы, они заняли хозяйскую половину дома, и теперь хозяева спали с нами на полу. Я плохо помню это время, потому что много болела и не выходила из комнатки. Я только помню свою куклу, которую подарил мне Сергей Сергеевич Толстой, внук писателя. Они с женой жили в Москве по соседству и дружили с мамой, еще до войны и до того, как расстреляли отца и сослали маму. Сергей Сергеевич навещал нас в Малоярославце и привозил мне игрушки. Эту куклу прислонили к горячей печке, и ее голова подтаяла, так как была из воска, и образовалась вмятина. Я куклу очень жалела и все время лечила. При каждом громком звуке я прятала ее под одеяло. Меня практически не выпускали из комнаты. Слышались громкая чужая речь, звуки музыки, но это было как-то далеко от меня. Но вот слова, которые постоянно повторяла мама, я до сих пор слышу: «Господи, спаси и сохрани! Матерь Божья, покрой нас своим святым покровом!». Постоянно хотелось есть, и это чувство не покидало меня еще долго и в послевоенные годы.

А потом пришли наши. Слышался смех и знакомые песни. Меня выпустили из комнаты, и я сразу оказалась в крепких мужских руках. Меня подкидывает вверх смеющийся молодой солдат. Я жмурюсь от страха, и в тоже время меня охватывает какое-то непонятное чувство радости и наступающих перемен. Потом он дает мне целую буханку черного хлеба. Я хватаю это сокровище, обнимаю его и бегу в свой угол. И до сих пор я помню этот волшебный запах русского хлеба, его шершавую корочку и вкус именно той, подаренной буханки. А мама мне говорила: «Там еще есть и масло, ведь хлеб выпекали на масле». Это она говорила скорее для себя, так как вкуса масла тогда я не понимала. Вместе с волнующим запахом свежего хлеба я навсегда запомнила имя солдата. Его звали Николай Мазай. Вечная ему память!

Когда мама ходила по вызовам, она часто брала меня с собой. Некуда было девать. Пришли мы как-то в один дом к больному старику. На столе лежал каравай хлеба, прикрытый чистой тряпицей, но краешек был виден. И я не могла оторвать взгляд от этой торчащей горбушки. Старуха, видно, уловила мой взгляд, и отрезала мне кусочек этого благоуханного хлеба. Я же навсегда запомнила ее натруженные, все в синих прожилках руки, которые подбирали со стола

каждую крошечку. Потом я часто наблюдала, как бережно относились пожилые люди к хлебу, именно к хлебу.

Послевоенный лес. Когда у мамы был выходной, мы с ней ходили в лес. Это была наша колыбель, наша отдушина, и наша природная кладовая. Ягоды, грибы, орехи — все заготавливалось впрок. В лесу, несмотря на свою жизнь — шум листы, пение птиц, жужжание насекомых, — была своя особая тишина. Тишина мира после прошедших боев, защита от житейских невзгод. У нас было свое заветное место. Мы садились на березу, сломанную войной, и слушали эту тишину. Потом мама доставала чистую салфетку, предмет благополучной довоенной жизни, расстилала ее на траве, выкладывала на нее кусочки черного хлеба и посыпала их крупной солью. После трапезы мы спускались в овраг, где бил родник, и набирали в ладони ледяную хрустальную воду, пили ее, умывали лицо, слушали незатейливую песенку бегущего ручейка, который когда-то доберется до большой реки. На краю оврага стояла большая сосна, по коре ее стекала смола. Я подходила, трогала эти капли, и на моих руках долго оставался этот особый смолистый запах. А мама мне говорила, что это слезы о всех погибших в это страшное время.

Потом мы переехали в подмосковную Истру. Я уже была подростком, и помню, как мы с ночи стояли в очереди за двумя килограммами муки. Страна еще долго приходила в себя.

А это я уже молодая девушка. Иду вдоль реки. Большое ржаное поле. Подхожу, глажу наливающиеся колосья. Жарко, на небе ни облачка, трепещет жаворонок. Как хорошо. И сразу рождаются стихи.

Рожь колосится, рожь колосится, В воздухе тонкая пыль серебрится. Цвета неба и цвета реки Светятся в ржи молодой васильки.

Стараясь не мять колосья, срываю васильки, плету венок и жду чуда. И вот оно. Точнее он.

Там поле ржаное у самой реки, Цветы васильки и глаза васильки. И светлые кудри громадной копной, И весь ты ржаной и такой молодой. Какая-то птица мелькнула вдали, Ты только в глаза мне почаще смотри, Почаще целуй и покрепче держи — Ты чудо из двух васильков и из ржи.

Мы не заметили, как поднялся ветер, набежала гроза, полил дождь. Промокшие и счастливые, мы бежим босиком домой по лужам мимо ржаного поля.

Небо все косматое. Молния — стрела. Рожь стоит примятая, Низко полегла.

Ветры спелым колосом Больше не шумят. Золотые волосы Спутаны лежат.

Много лет спустя иду мимо ржаного поля с шестилетней внучкой. Девочка, увидев васильки, бежит их срывать. А я предупреждаю ее, чтобы не топтала колосья и рассказываю, как из зерна получают муку, как пекут хлеб. Рассказываю ей о войне, о голоде и о том, как надо беречь хлеб.

Я вспоминаю то время нередко — Корочка хлеба была, как конфетка, Мы ее мяли, вдыхали глубоко, Долго сосали, запрятав за щеку... Хлебные полки в большом магазине, Мама и дочка стоят у витрины. Вот «Бородинский», «Орловский» и «Рижский», Длинный багет, много булок, коврижки, Бездрожжевой, заварной и «Домашний». Смотрят на дату, чтоб был не вчерашний. Неподалеку стояла старушка, Правой рукой опираясь на клюшку, И теребила концы старой шали, Глядя с улыбкой, как хлеб выбирали,

И подошла: «Я скажу тебе, детка, Корочка хлеба была, как конфетка...» Люди в блокадном аду умирали, И пайки хлеба им жизни спасали. Так поклонитесь насущному хлебу. Значит не зря была наша победа, Значит не зря та великая плата — Если страна и сильна, и богата.

Татьяна Скорикова

Скорикова Татьяна Петровна — доктор филологических наук, профессор, участник ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, член Литературного клуба ЦДЛ «Московитянка». Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века. Автор восьми поэтических сборников: «Твоею жаждой стать» (2002), «Исповедание» (2002), «За живою водою» (2008), «Листаю осени страницы» (2012), «Перелетные

птицы» (2017), «Медовый спас» (2019), «Я вышью радугой ЛЮБЛЮ» (2019), «С душой наедине » (2020). Участник литературных проектов МГО СП России. Имеет литературные награды. Публикуется в литературных сборниках, альманахах, газетах и журналах, на интернет-портале СТИХИ.РУ. На стихи автора написаны песни и романсы, в соавторстве с композитором Ольгой Кузьмичёвой-Молчановой выпущен литературно-музыкальный альбом «Минутой каждою с тобой».

Бессмертный полк

Бессмертный полк, в небесной синеве ты числишь всех, кто лёг на поле брани. Их имена... — кто был убит, кто ранен — несут в себе неугасимый свет.

Ты числишь всех, никто не позабыт. Земная память — их удел отныне, где каждого бойца святое имя — как часть России и её судьбы.

Слезою радости омыты небеса... Смотрю на фотографии... Бессменно ты на посту, не дрогнув! И нетленно звучат из строчек писем голоса...

[«]Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Ты выстоял, как крепость, как скала! Бессмертный полк под заревом салюта. Все, поимённо — у Кремля... Как будто тебя на службу Вечность призвала...

Берёзовая рощица

Берёзовая рощица, о чём молчишь, скажи? Небесная пророчица и странница во ржи. Как свечечки исконные, ввысь тянутся стволы, и лики в них иконные, по-Божьему светлы. За луг ушла околица, закат в ручье погас, а рощица всё молится за каждого из нас... За каждого убитого на той лихой войне душа берёз молитвенно взывает в тишине...

С глубокой скорбью павшие из синевы озёр глядят... И по-над пашнями небес не меркнет взор, где, словно обелисками, усеян небосвод — далёкими и близкими... С заоблачных широт прольются зори млечные сиреневым дождём, и рощица заречная прошелестит: «Живём...»

У изголовья тишина

Вхожу молитвенно, как в храм, в лесок весенний, где вторит птичьим голосам сердцебиенье. Ещё пронизаны войной земные дали, где каждый был на огневой подобно стали,

чтобы, не дрогнув, отстоять родные веси и защитить за пядью пядь простор полесья, и эту синь, и эту высь, и эти реки, — всё, что вмещает слово «жизнь» — одна навеки!

Ведь, кто погиб, тот не ушёл, а здесь отныне душою обнял лес и дол в седой равнине. Здесь каждый холмик — как висок в крови и пыли, стал тем, что нам даёт исток и в небе — крылья... У изголовья — тишина стоит, не дремля... Навечно вписана война в святую землю!

8.05.2020

Маргарита Соснова

Соснова Маргарита Львовна — актриса, преподаватель, кандидат педагогических наук, доцент. Работает в РУДН и МГПУ. Автор нескольких книг по актерскому мастерству, речи и общению, по развитию творческих способностей. Она сотрудничает с сектором психолингвистики Института языкознания РАН. М.Л. Соснова — участник нескольких литературных объединений, в том

числе ЛИТО ЦДУ РАН. Она автор ряда пьес, романа в стихах, поэмы, антиутопии и т. д. Стихотворные произведения печатает в коллективных сборниках ЛИТО на Пречистенке.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

9 Мая

Нам праздник этот, как святыня, Его ни с чем сравнить нельзя, Он духа нашего твердыня, Ведь павшие — отцы, друзья.

Победа, будто бы, вчера, Летели стаей похоронки... Вот, рядом — «черная дыра», Страна была у самой кромки.

А нам самим хватило б воли Идти в атаку, устоять? Чрез муки, слезы, раны, боли, С земли своей врага изгнать, России чести не ронять?!

Друзья нам — армия и флот! России щит и меч. Надежда наша и оплот, Чтоб Родину беречь.

В них силы нашей воплощенье, — Державе — подвиг и труды. Безмерно Духа возвышенье, Чтоб мирные цвели сады.

Душа горда, благодарит Матросов, мичманов, солдат. Коль враг решится на «визит», Получит Ад, а не парад.

России Бог благоволит: Душа ее за мир болит!

* * *

Ушли герои, головы сложив, Милльоны лучших, смельчаков. Их подвиг истинный, не лжив, Огонь хранили очагов.

Отечество собою защищали, Иначе не могли они, и точка. Домой вернуться маме обещали, О девушках мечтали ночкой.

Те поколенья истину познали, Не увлекались глупым мельтешеньем. По праздникам их подвиг вспоминали, Хоть слабое, но всё же — утешенье... Война их закалила и прожгла, То поколенье в бездну заглянуло. Не поглотила их забвенья мгла, В бессмертие, как в воды, окунуло!

* * *

Родители боролись, выживали, Трудясь, воюя, всё перенесли, И о родных, погибших горевали, В реальность через боль вросли.

Откуда мужество бралось, Выносливость, смиренье? Иль на Руси так повелось: Терпи, «вари варенье»!

Узнали все противоречья, Добро людей и их пороки, Война несла беду, увечья, Побед не скоры сроки...

Эпоха нагоняла страх, Любовь спасала близких: Детишек голос во дворах... В душе вы и на обелисках.

* * *

Мы и не думали, что будем защищать Героев, павших на полях сражений. Злодея только силой укрощать... Наивные, мы ждали возвышенья

Беседы, пониманья, уваженья... А дождались «волков», «гиен», круженья.

Отцы страну и мир спасали, А черти злато запасали, —

Теперь понятны все уклоны: У нас — Христос, у них — мамона! 10 мая 2019

* * *

Не война, небо мирное — счастье... Неприметное диво-явленье, Коль дома не рвутся на части И свое у судеб движенье.

Опыт войн — из диких и страшных, Горе, беды, ужас — рекой. Скажут нежному: «не бумажный!», И накажут: «такой-сякой»!

Мирный день, спокойный, — мечта У людей, кошмар переживших, Благодарный поклон заслуживших... А в глазах у них теплота.

Людмила Стасенко

Людмила Стасенко

Стасенко Людмила Ивановна — поэт, писатель, журналист, по профессии — преподаватель физики. Работала в школе и вузах Москвы, за границей. Много путешествует. Посетила более 55 стран мира. Впечатления о странствиях нашли отражение в литературном творчестве. Область литературного творчества: поэзия, проза, статьи для литературно-художественного альманаха «Лазурь». Автор

16 поэтических сборников, 7 книг прозы. Стасенко Л.И.— член Союза писателей России, член Российского союза профессиональных литераторов с 2015 года, участник ЛИТО ЦДУ РАН с 2012 года, член редколлегии альманаха «Лазурь». Имеет литературные награды.

Памятник

Есть в городе Смоленске памятник один: Сидит Василий Тёркин, с ним рядом — гражданин, Известный всему миру писатель и боец, — Это ведь Твардовский, Василия «отец».

Прошёл он по дорогам военным, фронтовым, Не понаслышке знал он огонь, окопы, дым. Убогие деревни, сожжённые дома, Парней, сгоревших в танке. А мать их родила.

Для жизни мирной в поле, сеять, собирать. Но вдруг страна призвала священную всю рать Стать на защиту Родины. И вот они предстали В рост свой исполинский. На поле брани пали.

Стоят кресты в России, В Польше и в Румынии, В Болгарии, и в Венгрии, и на Украине. В Чехии, Словакии, а сколько в Белоруссии! Вдовы и невесты идут с печалью, грустью

К крестам, могилам братским, и к монументам Славы. А в школах дети учат Тёркина по главам. Он сын своей Отчизны, смекалист, храбр, отважен. Он мастер на все руки, и на гармошке даже.

Он смел. Не унывает. И за победу — бой! Идёт и побеждает Тёркин удалой. Есть в городе Смоленске, городе-герое Стела Победителям. Сюда идут гурьбою

Школьники, которым есть чему учиться. Остановись, прохожий, всмотрись ты в эти лица, Что в барельефе, в бронзе застыли на века. Российского героя не победит рука

Захватчика любого. На то и Русь стоит. Твардовский-Тёркин памятник об этом говорит.

Елена Ткачевская

Ткачевская Елена Петровна — кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО Центрального дома учёных РАН, литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», «Литературного сообщества Новые Витражи», член СП ХХІ века, автор книг стихотворений «55 Стихо Творений», 2013 г.; «Зимостишие», 2015 г.; «В поисках времени года», 2017 г. (лонг-лист Международной премии «Писатель ХХІ века»

2017 г.). Публикуется в литературных сборниках, альманахах, газетах и журналах, на сайте «ЛИТО на Пречистенке», на интернет-порталах «Читальный зал», «Журнальный зал» и др.

* * *

Как человеку страшно на войне. Как человеку хочется победы, Остановить потери, страхи, беды Сильнее хочется вдвойне или втройне.

Как человеку избежать войны, Когда вокруг дыханье ада? Когда удача и награда — Хотя б одна минутка тишины.

Как человеку выжить и дожить До благодати, до дыханья рая? Не знаю, точно этого не знаю И лишь могу любовью дорожить.

Могу служить добру, не замечая зла, Их различать становится непросто. Но становлюсь как будто выше ростом В саду, где Ева яблоки рвала...

И, опираясь на Твоё плечо, Пытаюсь разделить тепло и свет, Когда меж ними совпаденья нет. А свет добра сияет горячо.

12.05.2020

* * *

Мало дед говорил о войне. Осознали мы это не сразу, Или детская память вполне

Не смогла сохранить все рассказы. Лихолетье родимой земле И душе отдавало приказы...

В День Победы на нашем столе — Фотографии, письма, награды. Так живёт эта память во мне.

Поколениям будущим надо сохранить добрый мир на земле, Злу бесстрашно поставить преграду.

Мало дед говорил о войне...

9.05.2014 г

* * *

Нынче время уклоняться от объятий, Собирать камни, строить ковчег. Теплится в подсознании — все люди братья, И надобны каждому хлеб, молитва, ночлег.

Посреди глобального мрака и раздрая, В невозможности выживания не любя Будто тёплой волной с головой накрывает Твоё сердечное: «Береги себя».

5.06.2020

* * *

Прежде слова была тишина, После слова тоже будет тишина, Но это будет другая тишина, Ведь слово дало ей новое звучание, Другое знание... И слово становится памятью, И тогда его слышно даже в тишине.

13.05.2017

96

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Альманах произведений участников Литературного объединения Центрального Дома учёных Российской академии наук «ЛИТО на Пречистенке»

Главный редактор издательства — Е. Степанов Компьютерная вёрстка, макет — И. Ракитина Корректор — Т. Райдер (некоторые поэтические произведения представлены в авторской редакции)

Бумага офсетная Гарнитура Minion Формат 84х108/32 Тираж 100 экз. Подписано в печать ##.##.2020

Издательство «Вест-Консалтинг» 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7, стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12 Тел. (495) 978 62 75

> Типография ИПК «Квадрат» Белгородская обл., г. Старый Оскол, Комсомольский проспект, 73.